

У. Гаши

**ОБ ОСНОВАХ
ЛЕНИНИЗМА**

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

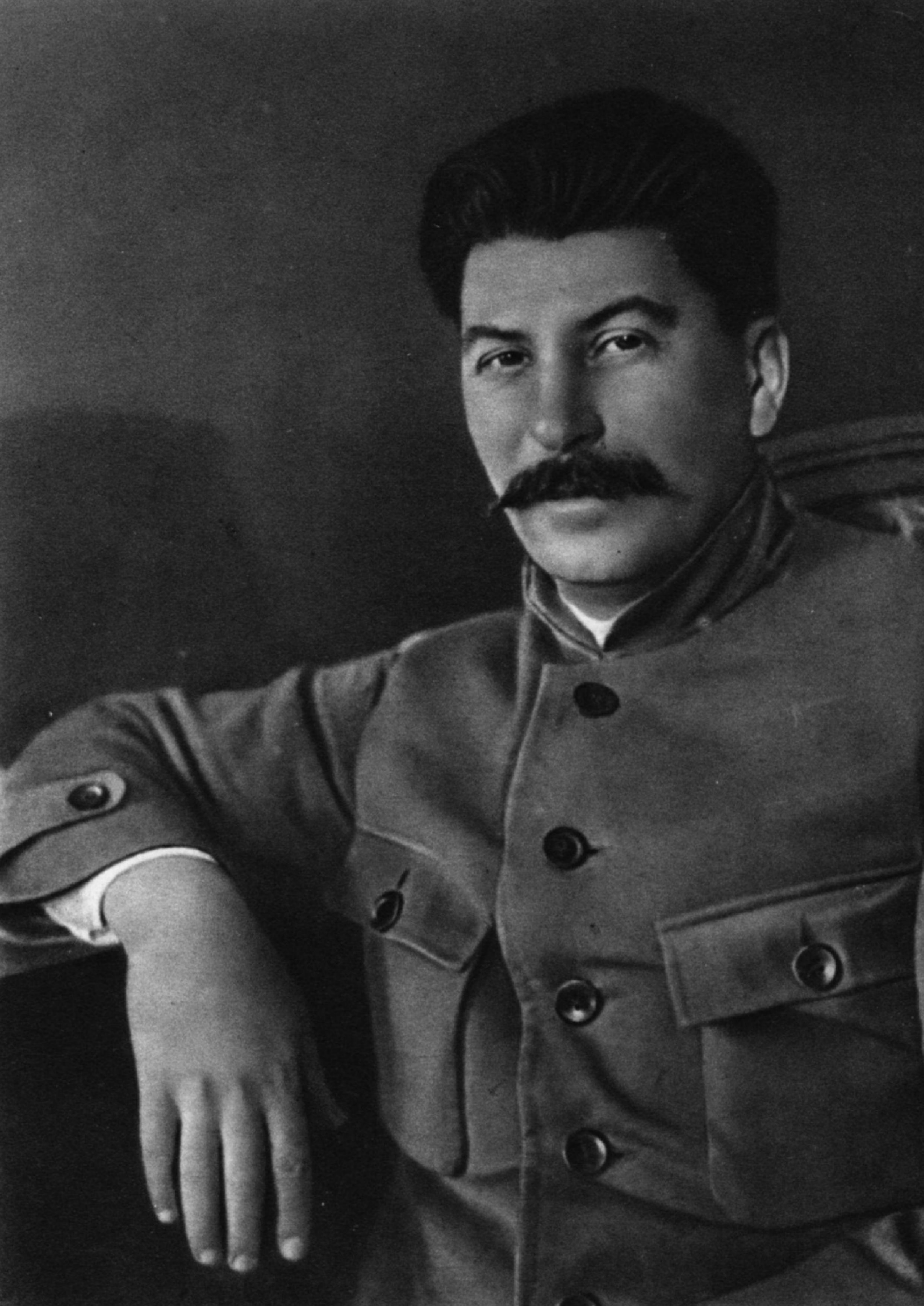
И. СТАЛИН

ОБ ОСНОВАХ ЛЕНИНИЗМА

(1924 г.)

НАУКА МАРКСИЗМ
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ЛЕКЦИИ, ЧИТАННЫЕ В СВЕРДЛОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ</i>	3
I. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ЛЕНИНИЗМА	5
II. МЕТОД	11
III. ТЕОРИЯ	17
IV. ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА	29
V. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС	39
VI. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС	49
VII. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА	57
VIII. ПАРТИЯ	69
IX. СТИЛЬ В РАБОТЕ	81

ЛЕКЦИИ, ЧИТАННЫЕ В СВЕРДЛОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

1

ЛЕНИНСКОМУ ПРИЗЫВУ ПОСВЯЩАЮ И. Сталин

Основы ленинизма – тема большая. Для того, чтобы ее исчерпать, необходима целая книга. Более того – необходим целый ряд книг. Естественно поэтому, что мои лекции не могут быть исчерпывающим изложением ленинизма. Они могут быть, в лучшем случае, лишь сжатым конспектом основ ленинизма. Тем не менее я считаю полезным изложить этот конспект для того, чтобы дать некоторые основные отправные пункты, необходимые для успешного изучения ленинизма.

Изложить основы ленинизма – это еще не значит изложить основы мировоззрения Ленина. Мировоззрение Ленина и основы ленинизма – не одно и то же по объему. Ленин – марксист, и основой его мировоззрения является, конечно, марксизм. Но из этого вовсе не следует, что изложение ленинизма должно быть начато с изложения основ марксизма. Изложить ленинизм – это значит изложить то особенное и новое в трудах Ленина, что внес Ленин в общую сокровищницу марксизма и что естественно связано с его именем. Только в этом смысле я буду говорить в своих лекциях об основах ленинизма.

Итак, что такое ленинизм?

Одни говорят, что ленинизм есть применение марксизма к своеобразным условиям российской обстановки. В этом определении есть доля правды, но оно далеко не исчерпывает всей правды. Ленин действительно применил марксизм к российской действительности и применил его мастерски. Но если бы ленинизм являлся только лишь применением марксизма к своеобразной обстановке России, то тогда ленинизм был бы чисто национальным и только национальным, чисто русским и только русским явлением. Между тем мы знаем, что ленинизм есть явление интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии, а не только русское. Вот почему я полагаю, что это определение страдает односторонностью.

---

¹ Лекции И.В. Сталина «Об основах ленинизма» были опубликованы в «Правде» в апреле и мае 1924 года. В мае 1924 года вышла брошюра И. В. Сталина «О Ленине и ленинизме», в которую были включены воспоминания «О Ленине» и лекции «Об основах ленинизма». Работа И.В. Сталина «Об основах ленинизма» включена во все издания книги И.В. Сталина «Вопросы ленинизма». – 69.

Другие говорят, что ленинизм есть возрождение революционных элементов марксизма 40-х годов XIX века в отличие от марксизма последующих годов, когда он стал будто бы умеренным, неревлюционным. Если отвлечься от этого глупого и пошлого подразделения учения Маркса на две части, на революционную и умеренную, нужно признать, что даже в этом совершенно недостаточном и неудовлетворительном определении имеется доля правды. Состоит она, эта доля правды, в том, что Ленин действительно возродил революционное содержание марксизма, замуравленное оппортунистами II Интернационала. Но это только доля правды. Вся правда о ленинизме состоит в том, что ленинизм не только возродил марксизм, но он сделал еще шаг вперед, развив марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата.

Что же такое в конце концов ленинизм?

Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру Советов.

Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма.

Отмечают, обычно, исключительно боевой и исключительно революционный характер ленинизма. Это совершенно правильно. Но эта особенность ленинизма объясняется двумя причинами: во-первых, тем, что ленинизм вышел из недр пролетарской революции, отпечаток которой он не может не носить на себе; во-вторых, тем, что он вырос и окреп в схватках с оппортунизмом II Интернационала, борьба с которым являлась и является необходимым предварительным условием успешной борьбы с капитализмом. Не следует забывать, что между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным – с другой, лежит целая полоса безраздельного господства оппортунизма II Интернационала, беспощадная борьба с которым не могла не составить одной из важнейших задач ленинизма.

I. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ЛЕНИНИЗМА

Ленинизм вырос и оформился в условиях империализма, когда противоречия капитализма дошли до крайней точки, когда пролетарская революция стала вопросом непосредственной практики, когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма.

Ленин называл империализм «умирающим капитализмом». Почему? Потому, что империализм доводит противоречия капитализма до последней черты, до крайних пределов, за которыми начинается революция. Наиболее важными из этих противоречий нужно считать три противоречия.

Первое противоречие – это противоречие между трудом и капиталом. Империализм есть всесилие монополистических трестов и синдикатов, банков и финансовой олигархии в промышленных странах. В борьбе с этим всесилием обычные методы рабочего класса – профсоюзы и кооперативы, парламентские партии и парламентская борьба – оказались совершенно недостаточными. Либо отдайся на милость капиталу, прозябай по-старому и опускайся вниз, либо берись за новое оружие – так ставит вопрос империализм перед миллионными массами пролетариата. Империализм подводит рабочий класс к революции.

Второе противоречие – это противоречие между различными финансовыми группами и империалистическими державами в их борьбе за источники сырья, за чужие территории. Империализм есть вывоз капитала к источникам сырья, бешеная борьба за монопольное обладание этими источниками, борьба за передел уже поделенного мира, борьба, ведомая с особенным остервенением со стороны новых финансовых групп и держав, ищущих «места под солнцем», против старых групп и держав, цепко держащихся за захваченное. Эта бешеная борьба между различными группами капиталистов замечательна в том отношении, что она включает в себя, как неизбежный элемент, империалистические войны, войны за захваты чужих территорий. Это обстоятельство в свою очередь замечательно в том отношении, что оно ведет к взаимному ослаблению империалистов, к ослаблению позиции капитализма вообще, к приближению момента пролетарской революции, к практической необходимости этой революции.

Третье противоречие – это противоречие между горстью господствующих «цивилизованных» наций и сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира. Империализм есть самая наглая эксплуатация и самое бесчеловечное угнетение сотен миллионов населения обширнейших колоний и зависимых

стран. Выжимание сверхприбыли – такова цель этой эксплуатации и этого угнетения. Но, эксплуатируя эти страны, империализм вынужден строить там железные дороги, фабрики и заводы, промышленные и торговые центры. Появление класса пролетариев, зарождение местной интеллигенции, пробуждение национального самосознания, усиление освободительного движения – таковы неизбежные результаты этой «политики». Усиление революционного движения во всех без исключения колониях и зависимых странах свидетельствует об этом с очевидностью. Это обстоятельство важно для пролетариата в том отношении, что оно в корне подрывает позиции капитализма, превращая колонии и зависимые страны из резервов империализма в резервы пролетарской революции.

Таковы, в общем, главные противоречия империализма, превратившие старый «цветущий» капитализм в капитализм умирающий.

Значение империалистической войны, разыгравшейся десять лет тому назад, состоит, между прочим, в том, что она собрала все эти противоречия в один узел и бросила их на чашу весов, ускорив и облегчив революционные битвы пролетариата.

Иначе говоря, империализм привел не только к тому, что революция стала практической неизбежностью, но и к тому, что создались благоприятные условия для прямого штурма твердынь капитализма.

Такова международная обстановка, породившая ленинизм.

Все это хорошо, скажут нам, но при чем тут Россия, которая ведь не была и не могла быть классической страной империализма? При чем тут Ленин, который работал прежде всего в России и для России? Почему именно Россия послужила очагом ленинизма, родиной теории и тактики пролетарской революции?

Потому, что Россия была узловым пунктом всех этих противоречий империализма.

Потому, что Россия была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна, и только она была в состоянии ввиду этого разрешить эти противоречия революционным путем.

Начать с того, что царская Россия была очагом всякого рода гнета – и капиталистического, и колониального, и военного, – взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всеилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма – с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплуатация целых районов – Турции, Персии, Китая – с захватом этих районов царизмом, с войной за захват? Ленин был прав, говоря, что царизм есть «военно-феодальный империализм». Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат.

Далее. Царская Россия была величайшим резервом западного империализма не только в том смысле, что она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургию, но и в том смысле, что она могла поставить в пользу западных империалистов миллионы солдат. Вспомните 14-миллионную русскую армию, проливавшую кровь на империалистических фронтах для обеспечения бешеных прибылей англо-французских капиталистов.

Дальше. Царизм был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускаящиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине, Брюсселе.

Наконец, царизм был вернейшим союзником западного империализма по делу Турции, Персии, Китая и т. д. Кому не известно, что империалистическая война велась царизмом в союзе с империалистами Антанты, что Россия являлась существенным элементом этой войны?

Вот почему интересы царизма и западного империализма сплетались между собой и сливались в конце концов в единый клубок интересов империализма.

Мог ли западный империализм помириться с потерей такой мощной опоры на Востоке и такого богатого резервуара сил и средств, как старая, царская, буржуазная Россия, не испытав всех своих сил для того, чтобы повести смертельную борьбу с революцией в России, на предмет отстаивания и сохранения царизма? Конечно, не мог!

Но из этого следует, что кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма, ибо кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка. Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую.

Между тем, в России подымалась величайшая народная революция, во главе которой стоял революционнейший в мире пролетариат, имевший в своем распоряжении такого серьезного союзника, как революционное крестьянство России. Нужно ли доказывать, что такая революция не могла остановиться на полдороге, что она в случае успеха должна была пойти дальше, подняв знамя восстания против империализма?

Вот почему Россия должна была стать узловым пунктом противоречий империализма не только в том смысле, что противоречия эти легче всего вскрывались именно в России ввиду особо безобразного и особо нетерпимого их характера, и не только потому, что Россия была важнейшей опорой западного империализма, соединяющей финансовый капитал Запада с колониями Востока, но и потому, что только в России существовала реальная сила, могущая разрешить противоречия империализма революционным путем.

Но из этого следует, что революция в России не могла не стать пролетарской, что она не могла не принять в первые же дни своего развития международный характер, что она не могла, таким образом, не потрясти самые основы мирового империализма.

Могли ли русские коммунисты при таком положении вещей ограничиться в своей работе узко национальными рамками русской революции? Конечно, нет! Наоборот, вся обстановка, как внутренняя (глубокий революционный кризис), так и внешняя (война), толкала их к тому, чтобы выйти в своей работе за эти рамки, перенести борьбу на международную арену, вскрыть язвы империализма,

доказать неизбежность краха капитализма, разбить социал-шовинизм и социал-пацифизм, наконец, свергнуть в своей стране капитализм и выковать для пролетариата новое оружие борьбы, теорию и тактику пролетарской революции, для того, чтобы облегчить пролетариям всех стран дело свержения капитализма. Русские коммунисты иначе и не могли действовать, ибо только на этом пути можно было рассчитывать на известные изменения в международной обстановке, могущие гарантировать Россию от реставрации буржуазных порядков.

Вот почему Россия стала очагом ленинизма, а вождь русских коммунистов Ленин – его творцом.

С Россией и Лениным «случилось» тут приблизительно то же самое, что и с Германией и Марксом – Энгельсом в сороковых годах прошлого столетия. Германия была чревата тогда, так же как и Россия в начале XX столетия, буржуазной революцией. Маркс писал тогда в «Коммунистическом манифесте», что:

«На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции». ²

Иначе говоря, центр революционного движения перемещался в Германию.

Едва ли можно сомневаться в том, что это именно обстоятельство, отмеченное Марксом в приведенной цитате, послужило вероятной причиной того, что именно Германия явилась родиной научного социализма, а вожди германского пролетариата – Маркс и Энгельс – его творцами.

То же самое нужно сказать, но еще в большей степени, про Россию начала XX столетия. Россия в этот период находилась накануне буржуазной революции, она должна была совершить эту революцию при более прогрессивных условиях в Европе и с более развитым пролетариатом, чем Германия 40-х годов XIX столетия (не говоря уже об Англии и Франции), причем все данные говорили о том, что революция эта должна была послужить бродилом и прологом пролетарской революции.

Нельзя считать случайностью тот факт, что Ленин еще в 1902 году, когда русская революция только зачиналась, писал в своей брошюре «Что делать?» вещице слова о том, что:

«История поставила теперь перед нами (т. е. русскими марксистами. *И. Ст.*) ближайшую задачу, которая является **наиболее революционной** из всех **ближайших** задач

---

² К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической Партии». 1939, стр. 60. – 78.

пролетариата какой бы то ни было другой страны»,
что... «осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» (см. т. IV, стр. 382).

Иначе говоря, центр революционного движения должен был переместиться в Россию.

Известно, что ход революции в России оправдал это предсказание Ленина с избытком.

Мудрено ли после этого, что страна, проделавшая такую революцию и имеющая такой пролетариат, послужила родиной теории и тактики пролетарской революции?

Мудрено ли, что вождь российского пролетариата, Ленин, стал вместе с тем творцом этой теории и тактики и вождем международного пролетариата?

II. МЕТОД

Выше я говорил, что между Марксом – Энгельсом, с одной стороны, и Лениным – с другой, лежит целая полоса господства оппортунизма II Интернационала. В интересах точности я должен добавить, что речь идет здесь не о формальном господстве оппортунизма, а лишь о фактическом его господстве. Формально во главе II Интернационала стояли «правовверные» марксисты, «ортодоксы» – Каутский и другие. На деле, однако, основная работа II Интернационала велась по линии оппортунизма. Оппортунисты приспособлялись к буржуазии в силу своей приспособленческой, мелкобуржуазной природы, – «ортодоксы» же в свою очередь приспособлялись к оппортунистам в интересах «сохранения единства» с оппортунистами, в интересах «мира в партии». В результате получалось господство оппортунизма, ибо цепь между политикой буржуазии и политикой «ортодоксов» оказывалась замкнутой.

Это был период сравнительно мирного развития капитализма, период, так сказать, довоенный, когда катастрофические противоречия империализма не успели еще вскрыться с полной очевидностью, когда экономические стачки рабочих и профсоюзы развивались более или менее «нормально», когда избирательная борьба и парламентские фракции давали «головокружительные» успехи, когда легальные формы борьбы превозносились до небес и легальностью думали «убить» капитализм, – словом, когда партии II Интернационала обрастали жиром и не хотели думать серьезно о революции, о диктатуре пролетариата, о революционном воспитании масс.

Вместо цельной революционной теории – противоречивые теоретические положения и обрывки теории, оторванные от живой революционной борьбы масс и превратившиеся в обветшалые догмы. Для виду, конечно, вспоминали о теории Маркса, но для того, чтобы выхолостить из нее живую революционную душу.

Вместо революционной политики – дряблое филистерство и трезвенное политиканство, парламентская дипломатия и парламентские комбинации. Для виду, конечно, принимались «революционные» решения и лозунги, но для того, чтобы положить их под сукно.

Вместо воспитания и обучения партии правильной революционной тактике на собственных ошибках – тщательный обход наболевших вопросов, их затушевывание и замазывание. Для виду, конечно, не прочь были поговорить о больших вопросах, но для того, чтобы кончить дело какой-либо «каучуковой» резолюцией.

Вот какова была физиономия II Интернационала, его метод работы, его арсенал.

Между тем надвигалась новая полоса империалистических войн и революционных схваток пролетариата. Старые методы борьбы оказывались явно недостаточными и бессильными перед всесилием финансового капитала.

Необходимо было пересмотреть всю работу II Интернационала, весь его метод работы, изгнав вон филистерство, узколюбие, политиканство, ренегатство, социал-шовинизм, социал-пацифизм. Необходимо было проверить весь арсенал II Интернационала, выкинуть все заржавленное и ветхое, выковать новые роды оружия. Без такой предварительной работы нечего было и отправляться на войну с капитализмом. Без этого пролетариат рисковал очутиться перед лицом новых революционных схваток недостаточно вооруженным или даже просто безоружным.

Эта честь генеральной проверки и генеральной чистки авгиевых конюшен II Интернационала выпала на долю ленинизма.

Вот в какой обстановке родился и выковался метод ленинизма.

К чему сводятся требования этого метода?

Во-первых, к *проверке* теоретических догм II Интернационала в огне революционной борьбы масс, в огне живой практики, т. е. к восстановлению нарушенного единства между теорией и практикой, к ликвидации разрыва между ними, ибо только так можно создать действительно пролетарскую партию, вооруженную революционной теорией.

Во-вторых, к *проверке* политики партий II Интернационала не по их лозунгам и резолюциям (которым нельзя верить), а по их делам, по их действиям, ибо только так можно завоевать и заслужить доверие пролетарских масс.

В-третьих, к *перестройке* всей партийной работы на новый революционный лад в духе воспитания и подготовки масс к революционной борьбе, ибо только так можно подготовить массы к пролетарской революции.

В-четвертых, к *самокритике* пролетарских партий, к обучению и воспитанию их на собственных ошибках, ибо только так можно воспитать действительные кадры и действительных лидеров партии.

Таковы основа и сущность метода ленинизма.

Как применялся этот метод на практике?

У оппортунистов II Интернационала существует ряд теоретических догм, от которых они танцуют всегда, как от печки. Возьмем несколько из них.

Догма первая: об условиях взятия власти пролетариатом. Оппортунисты уверяют, что пролетариат не может и не должен брать власть, если он не является сам большинством в стране. Доказательств никаких, ибо нет возможности оправдать это нелепое положение ни теоретически, ни практически. Допустим, отвечает Ленин господам из II Интернационала. Ну, а если сложилась такая историческая обстановка (война, аграрный кризис и т. д.), при которой пролетариат, составляющий меньшинство населения, имеет возможность сплотить вокруг себя громадное большинство трудящихся масс, – почему бы ему не взять власть? Почему бы не использовать пролетариату благоприятную международную и внутреннюю обстановку для того, чтобы прорвать фронт капитала и ускорить общую

развязку? Разве Маркс не говорил еще в 50-х годах прошлого столетия, что дело с пролетарской революцией в Германии могло бы обстоять «прекрасно», если бы можно было оказать пролетарской революции поддержку, так сказать, «вторым изданием крестьянской войны»? ³ Разве не известно всем и каждому, что пролетариев в Германии было тогда относительно меньше, чем, например, в России в 1917 году? Разве практика русской пролетарской революции не показала, что эта излюбленная догма героев II Интернационала лишена всякого жизненного значения для пролетариата? Разве не ясно, что практика революционной борьбы масс бьет и побивает эту обветшалую догму?

Догма вторая: пролетариат не может удержать власть, если нет у него в наличии достаточного количества готовых культурных и администраторских кадров, способных наладить управление страной, – сначала нужно выработать эти кадры в условиях капитализма, а потом брать власть. Допустим, отвечает Ленин. Но почему нельзя повернуть дело так, чтобы сначала взять власть, создать благоприятные условия для развития пролетариата, а потом – двинуться вперед семимильными шагами для подъема культурного уровня трудящихся масс, для выработки многочисленных кадров руководителей и администраторов из рабочих? Разве российская практика не показала, что кадры руководителей из рабочих растут при пролетарской власти во сто раз быстрее и основательнее, чем при власти капитала? Разве не ясно, что практика революционной борьбы масс безжалостно побивает и эту теоретическую догму оппортунистов?

Догма третья: метод общей *политической* забастовки неприемлем для пролетариата, ибо он теоретически несостоятелен (см. критику Энгельса), практически опасен (может расстроить обычный ход хозяйственной жизни страны, может опустошить кассы профессиональных союзов), не может заменить парламентских форм борьбы, являющихся главной формой классовой борьбы пролетариата. Хорошо, отвечают ленинцы. Но, во-первых, Энгельс критиковал не любую общую забастовку, а лишь определенный род общей забастовки, всеобщую *экономическую* забастовку анархистов, ⁴ выдвигавшуюся анархистами *взамен* политической борьбы пролетариата, – при чем тут метод общей *политической* забастовки? Во-вторых, кто и где доказал, что парламентская форма борьбы является главной формой борьбы пролетариата? Разве история революционного движения не показывает, что парламентская борьба является лишь школой и подспорьем для организации внепарламентской борьбы пролетариата, что основные вопросы рабочего движения при капитализме решаются силой, непосредственной борьбой пролетарских масс, их общей забастовкой, их восстанием? В-третьих, откуда взялся вопрос о замене парламентской борьбы методом общей политической забастовки? Где и когда пытались сторонники общеполитической забастовки заменить парламентские формы борьбы формами борьбы внепарламентскими? В-четвертых, разве революция в России не показала, что

---

³ Имеется в виду высказывание К. Маркса в письме к Ф. Энгельсу от 16 апреля 1856 года (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. 1947, стр. 86.* – 83.

⁴ Имеется в виду статья Ф. Энгельса «Бакунисты за работой» (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1933, стр. 105–124.* – 84.

общая *политическая* забастовка является величайшей школой пролетарской революции и незаменимым средством мобилизации и организации широчайших масс пролетариата накануне штурма твердынь капитализма, – при чем же тут филистерские сетования о расстройстве обычного хода хозяйственной жизни и о кассах профессиональных союзов? Разве не ясно, что практика революционной борьбы разбивает и эту догму оппортунистов?

И т. д. и т. п.

Вот почему говорил Ленин, что «революционная теория не есть догма», что она «окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» («Детская болезнь» ⁵), ибо теория должна служить практике, ибо «теория должна отвечать на вопросы, выдвигаемые практикой» («Друзья народа» ⁶), ибо она должна проверяться данными практики.

Что касается политических лозунгов и политических решений партий II Интернационала, то достаточно вспомнить историю с лозунгом «война войне», чтобы понять всю фальшь и всю гнилость политической практики этих партий, прикрывающих свое антиреволюционное дело пышными революционными лозунгами и резолюциями. Всем памятна пышная демонстрация II Интернационала на Базельском конгрессе ⁷ с угрозой по адресу империалистов всеми ужасами восстания, если империалисты решатся начать войну, и с грозным лозунгом «война войне». Но кто не помнит, что спустя некоторое время, перед самым началом войны, базельская резолюция была положена под сукно, а рабочим был дан новый лозунг – истреблять друг друга во славу капиталистического отечества? Разве не ясно, что революционные лозунги и резолюции не стоят ни гроша, если они не подкрепляются делом? Стоит только сопоставить ленинскую политику превращения империалистической войны в войну гражданскую с предательской политикой II Интернационала во время войны, чтобы понять всю пошлость политиканов оппортунизма, все величие метода ленинизма.

Не могу не привести здесь одно место из книги Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», где он жестоко бичует оппортунистическую попытку лидера II Интернационала К. Каутского судить о партиях не по их делам, а по их бумажным лозунгам и документам:

---

⁵ В.И. Ленин. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (см. Сочинения, изд. 3-е, т. XXV, стр. 174). – 85.

⁶ В.И. Ленин. «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (см. Сочинения, изд. 4-е, т. 1, стр. 278–219). – 85.

⁷ Базельский конгресс II Интернационала происходил 24–25 ноября 1912 года. Он был созван в связи с Балканской войной и нависшей угрозой мировой войны. Конгресс обсудил один вопрос – о международном положении и совместных действиях против войны. В принятом манифесте конгресс призвал рабочих использовать организацию и мощь пролетариата для революционной борьбы с военной опасностью, объявить «войну войне». – 86.

«Каутский проводит типично мещанскую, филистерскую политику, воображая... будто **выставление лозунга** меняет дело. Вся история буржуазной демократии разоблачает эту иллюзию: для обмана народа буржуазные демократы всегда выдвигали и всегда выдвигают какие угодно «лозунги». Дело в том, чтобы **проверить** их искренность, чтобы со словами сопоставить цела, чтобы не довольствоваться идеалистической или шарлатанской **фразой**, а доискиваться **классовой реальности**» (см. т. XXIII, стр. 377).

Я уже не говорю о боязни партий II Интернационала самокритики, об их манере скрывать свои ошибки, затушевывать большие вопросы, прикрывать свои недочеты фальшивым парадом благополучия, отупляющим живую мысль и тормозящим дело революционного воспитания партии на собственных ошибках, — манере, высмеянной и пригвожденной к позорному столбу Лениным. Вот что писал Ленин о самокритике пролетарских партий в своей брошюре «Детская болезнь»:

«Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею **на деле** ее обязанностей к своему **классу** и к трудящимся **массам**. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение **класса**, а затем и **массы**» (см. т. XXV, стр. 200).

Иные говорят, что вскрытие своих собственных ошибок и самокритика опасны для партии, ибо они могут быть использованы противником против партии пролетариата. Ленин считал подобные возражения несерьезными и совершенно неправильными. Вот что говорил он об этом еще в 1904 году в своей брошюре «Шаг вперед», когда наша партия была еще слабой и незначительной:

«Они (т. е. противники марксистов. *И. Ст.*) злорадствуют и кривляются, наблюдая наши споры; они постараются, конечно, выдергивать для своих целей отдельные места моей брошюры, посвященной недостаткам и недочетам нашей партии. Русские социал-демократы уже достаточно обстреляны в сражениях, чтобы не смущаться этими щипками, чтобы продолжать, вопреки им, свою работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов, которые непременно и неизбежно будут превзойдены ростом рабочего движения» (см. т. VI, стр. 161).

Таковы, в общем, характерные черты метода ленинизма.

То, что дано в методе Ленина, в основном уже имелось в учении Маркса, являющемся, по словам Маркса, «в существе своем критическим и революционным». ⁸ Именно этот критический и революционный дух проникает с начала и до конца метод Ленина. Но было бы неправильно думать, что метод Ленина является простым восстановлением того, что дано Марксом. На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики.

---

⁸ См. *Карл Маркс*. «Капитал», т. I, 1935, стр. XXIII. – 87.

III. ТЕОРИЯ

Из этой темы я беру *три вопроса*:

- а) *о значении теории* для пролетарского движения,
- б) *о критике «теории» стихийности*,
- в) *о теории пролетарской революции*.

1) *О значении теории*. Иные думают, что ленинизм есть примат практики перед теорией в том смысле, что главное в нем – претворение марксистских положений в дело, «исполнение» этих положений, что же касается теории, то на этот счет ленинизм довольно будто бы беззаботен. Известно, что Плеханов не раз потешался над «беззаботностью» Ленина насчет теории и особенно философии. Известно также, что многие нынешние практики-ленинцы не очень милуют теорию, особенно ввиду той бездны практической работы, которую вынуждены они нести по обстановке. Я должен заявить, что это более чем странное мнение о Ленине и ленинизме совершенно неправильно и ни в какой мере не соответствует действительности, что стремление практиков отмахнуться от теории противоречит всему духу ленинизма и чревато большими опасностями для дела.

Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем. Не кто иной, как Ленин, говорил и повторял десятки раз известное положение о том, что:

«Без революционной теории не может быть и революционного движения» (см. т. IV, стр. 380; курсив мой. – *И. Ст.*)

Ленин больше, чем кто-либо другой, понимал важное значение теории, особенно для такой партии, как наша, ввиду той роли передового борца международного пролетариата, которая выпала на ее долю, и ввиду той сложности внутренней и международной обстановки, которая окружает ее. Предугадывая эту особую роль нашей партии еще в 1902 году, он считал нужным уже тогда напомнить, что:

«Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией» (см. т. IV, стр. 380).

Едва ли нужно доказывать, что теперь, когда предсказание Ленина о роли нашей партии уже претворилось в жизнь, это положение Ленина приобретает особую силу и особое значение.

Может быть, наиболее ярким выражением того высокого значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». ⁹ Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». ¹⁰ Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи.

2) Критика «теории» стихийности, или о роли авангарда в движении. «Теория» стихийности есть теория оппортунизма, теория преклонения перед стихийностью рабочего движения, теория фактического отрицания руководящей роли авангарда рабочего класса, партии рабочего класса.

Теория преклонения перед стихийностью выступает решительно против революционного характера рабочего движения, она против того, чтобы движение направлялось по линии борьбы против основ капитализма, – она за то, чтобы движение шло исключительно по линии «выполнимых», «приемлемых» для капитализма требований, она всецело за «линию наименьшего сопротивления». Теория стихийности есть идеология тред-юнионизма.

Теория преклонения перед стихийностью выступает решительно против того, чтобы придать стихийному движению сознательный, планомерный характер, она против того, чтобы партия шла впереди рабочего класса, чтобы партия подымала массы до уровня сознательности, чтобы партия вела за собой движение, – она за то, чтобы сознательные элементы движения не мешали движению идти своим путем, она за то, чтобы партия лишь прислушивалась к стихийному движению и тащилась в хвосте за ним. Теория стихийности есть теория преуменьшения роли сознательного элемента в движении, идеология «хвостизма», логическая основа всякого оппортунизма.

Практически эта теория, выступившая на сцену еще до первой революции в России, вела к тому, что ее последователи, так называемые «экономисты», отрицали необходимость самостоятельной рабочей партии в России, выступали против революционной борьбы рабочего класса за свержение царизма, проповедо-

---

⁹ См. Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». 1939, стр. 21. – 90.

¹⁰ См. В.И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XIII. – 90.

вали тред-юнионистскую политику в движении и вообще отдавали рабочее движение под гегемонию либеральной буржуазии.

Борьба старой «Искры» и блестящая критика теории «хвостизма», данная в брошюре Ленина «Что делать?», не только разбили так называемый «экономизм», но создали еще теоретические основы действительно революционного движения русского рабочего класса.

Без этой борьбы нечего было и думать о создании самостоятельной рабочей партии в России и об ее руководящей роли в революции.

Но теория преклонения перед стихийностью не есть только русское явление. Она имеет самое широкое распространение, правда, в несколько другой форме, во всех без исключения партиях II Интернационала. Я имею в виду опошленную лидерами II Интернационала так называемую теорию «производительных сил», которая все оправдывает и всех примиряет, которая констатирует факты и объясняет их после того, как они уже надоели всем, и, констатируя, успокаивается на этом. Маркс говорил, что материалистическая теория не может ограничиваться объяснением мира, что она должна еще изменить его.¹¹ Но Каутскому и К0 нет дела до этого, они предпочитают остаться при первой части формулы Маркса.

Вот один из многих примеров применения этой «теории». Говорят, что перед империалистической войной партии II Интернационала грозились объявить «войну войне», если империалисты начнут войну. Говорят, что перед самым началом войны эти партии положили под сукно лозунг «война войне» и провели в жизнь противоположный лозунг о «войне за империалистическое отечество». Говорят, что результатом этой смены лозунгов были миллионы жертв из рабочих. Но было бы ошибочно думать, что здесь имеются виновные, что кто-то изменил рабочему классу или предал его. Ничуть не бывало! Все произошло так, как оно должно было произойти. Во-первых, потому, что Интернационал есть, оказывается, «инструмент мира», а не войны. Во-вторых, потому, что при том «уровне производительных сил», который имелся в то время, ничего другого нельзя было предпринять. «Виноваты» «производительные силы». Это «нам» в точности объясняет «теория производительных сил» господина Каутского. А кто не верит в эту «теорию», тот не марксист. Роль партий? Их значение в движении? Но что может поделать партия с таким решающим фактором, как «уровень производительных сил»?..

Таких примеров фальсификации марксизма можно было бы привести целую кучу.

Едва ли нужно доказывать, что этот фальсифицированный «марксизм», призванный прикрыть наготу оппортунизма, является лишь видоизменением на европейский лад той самой теории «хвостизма», с которой воевал Ленин еще до первой русской революции.

---

¹¹ К. Маркс. «Тезисы о Фейербахе» (см. Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», 1939, Приложение). – 92.

Едва ли нужно доказывать, что разрушение этой теоретической фальсификации является предварительным условием создания действительно революционных партий на Западе.

3) **Теория пролетарской революции.** Ленинская теория пролетарской революции исходит из трех основных положений.

Положение первое. Господство финансового капитала в передовых странах капитализма; эмиссия ценных бумаг, как важнейшая операция финансового капитала; вывоз капитала к источникам сырья, как одна из основ империализма; всемогущество финансовой олигархии, как результат господства финансового капитала, – все это вскрывает грубо паразитический характер монополистического капитализма, делает во сто раз более чувствительным гнет капиталистических трестов и синдикатов, усиливает рост возмущения рабочего класса против основ капитализма, подводит массы к пролетарской революции, как единственному спасению (см. «Империализм» ¹² *Ленина*).

Отсюда первый вывод: обострение революционного кризиса внутри капиталистических стран, нарастание элементов взрыва на внутреннем, пролетарском фронте в «метрополиях».

Положение второе. Усиленный вывоз капитала в колониальные и зависимые страны; расширение «сфер влияния» и колониальных владений, вплоть до охвата всего земного шара; превращение капитализма во **всемирную систему** финансового порабощения и колониального угнетения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли, – все это, с одной стороны, превратило отдельные национальные хозяйства и национальные территории в звенья единой цепи, называемой мировым хозяйством, с другой стороны – раскололо население земного шара на два лагеря: на горсть «передовых» капиталистических стран, эксплуатирующих и угнетающих обширные колониальные и зависимые страны, и на громадное большинство колониальных и зависимых стран, вынужденных вести борьбу за освобождение от империалистического гнета (см. «Империализм»).

Отсюда второй вывод: обострение революционного кризиса в колониальных странах, нарастание элементов возмущения против империализма на внешнем, колониальном фронте.

Положение третье. Монопольное владение «сферами влияния» и колониями; неравномерное развитие капиталистических стран, ведущее к бешеной борьбе за передел мира между странами, уже захватившими территории, и странами, желающими получить свою «долю»; империалистические войны, как единственное средство восстановить нарушенное «равновесие», – все это ведет к усилению третьего фронта, фронта междукапиталистического, ослабляющего империализм и облегчающего объединение двух первых фронтов против империализма, фронта революционно-пролетарского и фронта колониально-освободительного (см. «Империализм»).

---

¹² *В.И. Ленин.* «Империализм, как высшая стадия капитализма» (см. Сочинения, изд. 3-е, т. XIX, стр. 67–175). – 93.

Отсюда третий вывод: неотвратимость войн при империализме и неизбежность коалиции пролетарской революции в Европе с колониальной революцией на Востоке в единый мировой фронт революции против мирового фронта империализма.

Все эти выводы объединяются у Ленина в один общий вывод о том, что *«империализм есть канун социалистической революции»* (см. т. XIX, стр. 71; курсив мой. – *И. Ст.*)

Сообразно с этим меняется и самый подход к вопросу о пролетарской революции, характере революции, ее объеме, ее глубине, меняется схема революции вообще.

Раньше к анализу предпосылок пролетарской революции подходили обычно с точки зрения экономического состояния той или иной отдельной страны. Теперь этот подход уже недостаточен. Теперь надо подходить к делу с точки зрения экономического состояния всех или большинства стран, с точки зрения состояния мирового хозяйства, ибо отдельные страны и отдельные национальные хозяйства перестали быть самодовлеющими единицами, превратились в звенья единой цепи, называемой мировым хозяйством, ибо старый «культурный» капитализм перерос в империализм, а империализм есть всемирная система финансового порабощения и колониального угнетения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли.

Раньше принято было говорить о наличии или отсутствии объективных условий пролетарской революции в отдельных странах, или точнее – в той или иной развитой стране. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь нужно говорить о наличии объективных условий революции во всей системе мирового империалистического хозяйства, как единого целого, причем наличие в составе этой системы некоторых стран, недостаточно развитых в промышленном отношении, не может служить непреодолимым препятствием к революции, *если* система в целом или, вернее, – *так как* система в целом уже созрела для революции.

Раньше принято было говорить о пролетарской революции в той или иной развитой стране, как об отдельной самодовлеющей величине, противопоставленной отдельному, национальному фронту капитала, как своему антиподу. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь нужно говорить о мировой пролетарской революции, ибо отдельные национальные фронты капитала превратились в звенья единой цепи, называемой мировым фронтом империализма, которой должен быть противопоставлен общий фронт революционного движения всех стран.

Раньше рассматривали пролетарскую революцию как результат исключительно внутреннего развития данной страны. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь надо рассматривать пролетарскую революцию, прежде всего, как результат развития противоречий в мировой системе империализма, как результат разрыва цепи мирового империалистического фронта в той или иной стране.

Где начнется революция, где прежде всего может быть прорван фронт капитала, в какой стране?

Там, где больше развита промышленность, где пролетариат составляет большинство, где больше культуры, где больше демократии, – отвечали обычно раньше.

Нет, – возражает ленинская теория революции, – *не обязательно там, где промышленность больше развита*, и пр. Фронт капитала прорвется там, где цепь империализма слабее, ибо пролетарская революция есть результат разрыва цепи мирового империалистического фронта в наиболее слабом ее месте, причем может оказаться, что страна, начавшая революцию, страна, прорвавшая фронт капитала, является менее развитой в капиталистическом отношении, чем другие, – более развитые, страны, оставшиеся, однако, в рамках капитализма.

В 1917 году цепь империалистического мирового фронта оказалась слабее в России, чем в других странах. Там она и прорвалась, дав выход пролетарской революции. Почему? Потому, что в России разворачивалась величайшая народная революция, во главе которой шел революционный пролетариат, имевший такого серьезного союзника, как многомиллионное крестьянство, угнетаемое и эксплуатируемое помещиком. Потому, что против революции стоял там такой отвратительный представитель империализма, как царизм, лишенный всякого морального веса и заслуживший общую ненависть населения. В России цепь оказалась слабее, хотя Россия была менее развита в капиталистическом отношении, чем, скажем, Франция или Германия, Англия или Америка.

Где прорвется цепь в ближайшем будущем? Опять-таки там, где она слабее. Не исключено, что цепь может прорваться, скажем, в Индии. Почему? Потому, что там имеется молодой боевой революционный пролетариат, у которого имеется такой союзник, как освободительное национальное движение, – несомненно большой и несомненно серьезный союзник. Потому, что перед революцией стоит там такой, всем известный, противник, как чужеземный империализм, лишенный морального кредита и заслуживший общую ненависть угнетенных и эксплуатируемых масс Индии.

Вполне возможно также, что цепь может прорваться в Германии. Почему? Потому, что факторы, действующие, скажем, в Индии, начинают действовать и в Германии, при этом понятно, что громадная разница в уровне развития, существующая между Индией и Германией, не может не наложить своего отпечатка на ход и исход революции в Германии.

Вот почему говорит Ленин, что:

«Западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму... не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими, путем эксплуатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплуатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и

окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения» (см. т. XXVII, стр. 415–416).

Короче: цепь империалистического фронта, как правило, должна прорваться там, где звенья цепи слабее, и уж, во всяком случае, не обязательно там, где капитализм более развит, где пролетариев столько-то процентов, а крестьян столько-то и так дальше.

Вот почему статистические выкладки о процентном исчислении пролетарского состава населения в отдельной стране теряют то исключительное значение при решении вопроса о пролетарской революции, какое им охотно придавали начетчики из II Интернационала, не понявшие империализма и боящиеся революции, как чумы.

Далее. Герои II Интернационала утверждали (и продолжают утверждать), что между буржуазно-демократической революцией, с одной стороны, и пролетарской – с другой, существует пропасть или, во всяком случае, китайская стена, отделяющая одну от другой более или менее длительным интервалом, в течение которого пришедшая к власти буржуазия развивает капитализм, а пролетариат накапливает силы и готовится к «решительной борьбе» против капитализма. Интервал этот исчисляется обычно многими десятками лет, если не больше. Едва ли нужно доказывать, что эта «теория» китайской стены лишена всякого научного смысла в обстановке империализма, что она является, и не может не являться, лишь прикрытием, окрашиванием контрреволюционных вождельний буржуазии. Едва ли нужно доказывать, что в обстановке империализма, чреватого столкновениями и войнами, в обстановке «кануна социалистической революции», когда капитализм «цветущий» превращается в капитализм «умирающий» (*Ленин*), а революционное движение растет во всех странах мира, когда империализм соединяется со всеми, без исключения, реакционными силами, вплоть до царизма и крепостничества, делая тем самым необходимым коалирование всех революционных сил от пролетарского движения на Западе до национально-освободительного движения на Востоке, когда свержение пережитков феодально-крепостнических порядков становится невозможным без революционной борьбы с империализмом, – едва ли нужно доказывать, что буржуазно-демократическая революция, в более или менее развитой стране/должна сближаться при таких условиях с революцией пролетарской, что первая должна перерасти во вторую. История революции в России с очевидностью доказала правильность и неоспоримость этого положения. Недаром Ленин еще в 1905 году, накануне первой русской революции, в своей брошюре «Две тактики» рисовал буржуазно-демократическую революцию и социалистический переворот, как два звена одной цепи, как единую и цельную картину размаха русской революции:

«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой со-

противление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии. Таковы задачи пролетариата, которые так узко представляют новоискровцы во всех своих рассуждениях и резолюциях о размахе революции» (см. *Ленин*, т. VIII, стр. 96).

Я уже не говорю о других, более поздних, трудах Ленина, где идея перерастания буржуазной революции в пролетарскую выступает более рельефно, чем в «Двух тактиках», как один из краеугольных камней ленинской теории революции.

Некоторые товарищи, оказывается, полагают, что Ленин пришел к этой идее лишь в 1916 году, что до этого времени он считал, будто бы, что революция в России задержится в буржуазных рамках, что власть, стало быть, из рук органа диктатуры пролетариата и крестьянства перейдет в руки буржуазии, а не пролетариата. Говорят, что это утверждение проникло даже в нашу коммунистическую печать. Я должен сказать, что это утверждение совершенно неправильно, что оно совершенно не соответствует действительности.

Я мог бы сослаться на известную речь Ленина на III съезде партии (1905 г.), где он диктатуру пролетариата и крестьянства, т. е. победу демократической революции, квалифицировал не как «организацию «порядка»», а как «организацию войны» (см. т. VII, стр. 264).

Я мог бы сослаться, далее, на известные статьи Ленина «О временном правительстве» (1905 г.),¹³ где он, изображая перспективу развертывания русской революции, ставит перед партией задачу «добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предрержащих, а к полному ниспровержению этих властей», где он, развертывая дальше эту перспективу и связывая ее с революцией в Европе, продолжает:

«А если это удастся, – тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается»; тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи не-

---

¹³ И.В. Сталин ссылается на статьи В.И. Ленина, написанные в 1905 году: «Социал-демократия и временное революционное правительство», из которой приводит выдержку, «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» и «О временном революционном правительстве» (см. *В.И. Ленин. Сочинения*, изд. 4-е, т. 8, стр. 247–263, 264–274, 427–447). – 101.

скольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий...» (см. там же, стр. 191).

Я мог бы сослаться, дальше, на известную статью Ленина, опубликованную в ноябре 1915 года, где он пишет:

«Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель... за участие *«не»* пролетарских народных масс» в освобождении *буржуазной* России от *военно-феодалного* «империализма» (=царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется *немедленно* не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы» (см. т. XVIII, стр. 318; курсив мой. – *И. Ст.*)

Я мог бы сослаться, наконец, на известное место в брошюре Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», где он, ссылаясь на приведенную выше цитату из «Двух тактик»¹⁴ о размахе русской революции, приходит к следующему выводу:

«Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. *Сначала* вместе со «всеми» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). *Затем*, вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми, *против капитализма*, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится *социалистической*. Пытаться поставить искусственную китайскую стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, *кроме* степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом» (см. т. XXIII, стр. 391).

Кажется, довольно.

Хорошо, скажут нам, но почему Ленин воевал, в таком случае, с идеей «перманентной (непрерывной) революции»?

---

¹⁴ См. Сталин И.В. Сочинения. Том 6, стр. 100. *Ред.*

Потому, что Ленин предлагал «исчерпать» революционные способности крестьянства и использовать до дна его революционную энергию для полной ликвидации царизма, для перехода к пролетарской революции, между тем как сторонники «перманентной революции» не понимали серьезной роли крестьянства в русской революции, недооценивали силу революционной энергии крестьянства, недооценивали силу и способность русского пролетариата повести за собой крестьянство и затрудняли, таким образом, дело высвобождения крестьянства из-под влияния буржуазии, дело сплочения крестьянства вокруг пролетариата.

Потому, что Ленин предлагал *увенчать* дело революции переходом власти к пролетариату, между тем как сторонники «перманентной» революции думали *начать* дело прямо с власти пролетариата, не понимая, что тем самым они закрывают глаза на такую «мелочь», как пережитки крепостничества, и не принимают в расчет такую серьезную силу, как русское крестьянство, не понимая, что такая политика может лишь затормозить дело завоевания крестьянства на сторону пролетариата.

Ленин воевал, стало быть, со сторонниками «перманентной» революции не из-за вопроса о непрерывности, ибо Ленин сам стоял на точке зрения непрерывной революции, а из-за недооценки ими роли крестьянства, являющегося величайшим резервом пролетариата, из-за непонимания идеи гегемонии пролетариата.

Идею «перманентной» революции нельзя рассматривать, как новую идею. Ее выдвинул впервые Маркс в конце 40-х годов в известном своем «Обращении» к «Союзу коммунистов» (1850 г.). Из этого документа и взята нашими «перманентниками» идея непрерывной революции. Следует заметить, что наши «перманентники», взяв ее у Маркса, несколько видоизменили ее и, видоизменив, «испортили» ее, сделав непригодной для практического употребления. Понадобилась опытная рука Ленина для того, чтобы выправить эту ошибку, взять идею непрерывной революции Маркса в ее чистом виде и сделать ее одним из краеугольных камней своей теории революции.

Вот что говорит Маркс в своем «Обращении» о непрерывной (перманентной) революции, после того как он перечисляет ряд революционно-демократических требований, к завоеванию которых призывает он коммунистов:

«В то время, как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока, по крайней мере, решающие производительные силы не

будут сконцентрированы в руках пролетариев». 15

Иначе говоря:

а) Маркс вовсе не предлагал *начать* дело революции в Германии 50-х годов прямо с пролетарской власти *вопреки* планам наших русских «перманентников»;

б) Маркс предлагал лишь *увенчать* дело революции пролетарской государственной властью, сталкивая шаг за шагом с высоты власти одну фракцию буржуазии за другой, с тем, чтобы, добившись власти пролетариата, разжечь потом революцию во всех странах, – *в полном соответствии* со всем тем, чему учил Ленин и что он проводил в жизнь в ходе нашей революции, следуя своей теории пролетарской революции в обстановке империализма.

Выходит, что наши русские «перманентники» не только недооценили роль крестьянства в русской революции и значение идеи гегемонии пролетариата, но и видоизменили еще (к худшему) марксову идею «перманентной» революции, сделав ее непригодной для практики.

Вот почему Ленин высмеивал теорию наших «перманентников», называя ее «оригинальной» и «прекрасной» и обвиняя их в нежелании «подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории» (статья Ленина написана в 1915 г., спустя 10 лет по появлении в России теории «перманентников», – см. т. XVIII, стр. 317).

Вот почему Ленин считал эту теорию полуменьшевистской, говоря, что она «берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков – «отрицание» роли крестьянства» (см. статью *Ленина* «О двух линиях революции», там же).

Так обстоит дело с идеей Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую, об использовании буржуазной революции для «немедленного» перехода к пролетарской революции.

Дальше. Раньше считали победу революции в одной стране невозможной, полагая, что для победы над буржуазией необходимо совместное выступление пролетариев всех передовых стран или, во всяком случае, большинства таких стран. Теперь эта точка зрения уже не соответствует действительности. Теперь нужно исходить из возможности такой победы, ибо неравномерный и скачкообразный характер развития различных капиталистических стран в обстановке империализма, развитие катастрофических противоречий внутри империализма, ведущих к неизбежным войнам, рост революционного движения во всех странах мира, – все это ведет не только к возможности, но и к необходимости победы пролетариата в отдельных странах. История революции в России является прямым тому доказательством. Необходимо только помнить при этом, что свержение буржуазии может быть с успехом проведено лишь в том случае, если име-

---

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. «Первое обращение Центрального Комитета к Союзу Коммунистов» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, 1931, стр. 483). – 104.

ются налицо некоторые, совершенно необходимые, условия, без наличия которых нечего и думать о взятии власти пролетариатом.

Вот что говорит Ленин об этих условиях в своей брошюре «Детская болезнь»:

«Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда *«низы» не хотят* старого и когда *«верхи» не могут по-старому*, лишь тогда революция, может победить. Иначе эта истина выражается словами: *революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса* (курсив мой. – *И. Ст.*). Значит, для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было идти на смерть ради него; во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы... обессиливает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его» (см. т. XXV, стр.222).

Но свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране – еще не значит обеспечить полную победу социализма. Упрочив свою власть и поведя за собой крестьянство, пролетариат победившей страны может и должен построить социалистическое общество. Но значит ли это, что он тем самым достигнет полной, окончательной победы социализма, т. е. значит ли это, что он может силами лишь одной страны закрепить окончательно социализм и вполне гарантировать страну от интервенции, а значит, и от реставрации? Нет, не значит. Для этого необходима победа революции по крайней мере в нескольких странах. Поэтому развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей революции. Поэтому революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах.

Ленин выразил эту мысль в двух словах, сказав, что задача победившей революции состоит в проведении «максимума осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*» (см. т. XXIII, стр. 385).

Таковы, в общем, характерные черты ленинской теории пролетарской революции.

IV. ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

Из этой темы я беру *три основных* вопроса:

- а) диктатура пролетариата как *орудие* пролетарской революции;
- б) диктатура пролетариата как *господство пролетариата* над буржуазией;
- в) Советская власть как *государственная форма* диктатуры пролетариата.

1) *Диктатура пролетариата как орудие пролетарской революции*. Вопрос о пролетарской диктатуре есть прежде всего вопрос об основном содержании пролетарской революции. Пролетарская революция, ее движение, ее размах, ее достижения облекаются в плоть и кровь лишь через диктатуру пролетариата. Диктатура пролетариата есть орудие пролетарской революции, ее орган, ее важнейший опорный пункт, вызванный к жизни для того, чтобы, во-первых, подавить сопротивление свергнутых эксплуататоров и закрепить свои достижения, во-вторых, довести до конца пролетарскую революцию, довести революцию до полной победы социализма. Победить буржуазию, свергнуть ее власть революция сможет и без диктатуры пролетариата. Но подавить сопротивление буржуазии, сохранить победу и двинуться дальше к окончательной победе социализма революция уже не в состоянии, если она не создаст на известной ступени своего развития специального органа в виде диктатуры пролетариата, в качестве своей основной опоры.

«Вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции» (*Ленин*). Значит ли это, что дело ограничивается тут взятием власти, ее захватом? Нет, не значит. Взятие власти, это – только начало дела. Буржуазия, свергнутая в одной стране, надолго еще остается, в силу многих причин, сильнее свергнувшего ее пролетариата. Поэтому все дело в том, чтобы удержать власть, укрепить ее, сделать ее непобедимой. Что нужно для того, чтобы добиться этой цели? Для этого необходимо выполнить по крайней мере три главные задачи, встающие перед диктатурой пролетариата «на другой день» после победы:

- а) сломить сопротивление свергнутых и экспроприированных революцией помещиков и капиталистов, ликвидировать все и всякие их попытки к восстановлению власти капитала;
- б) организовать строительство в духе сплочения всех трудящихся вокруг пролетариата и повести эту работу в направлении, подготовляющем ликвидацию, уничтожение классов;

в) вооружить революцию, организовать армию революции для борьбы с внешними врагами, для борьбы с империализмом.

Диктатура пролетариата нужна для того, чтобы провести, выполнить эти задачи.

«Переход от капитализма к коммунизму, – говорит Ленин, – есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остается *надежда* на реставрацию, а эта надежда превращается в *попытки* реставрации. И после первого серьезного поражения, свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятенной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая», за их семьи, которые жили так сладко, и которые теперь «простонародная сволочь» осуждает на разорение и нищету (или на «простой» труд...). А за эксплуататорами-капиталистами тянется широкая масса мелкой буржуазии, про которую десятки лет исторического опыта всех стран свидетельствуют, что она шатается и колеблется, сегодня идет за пролетариатом, завтра пугается трудностей переворота, впадает в панику от первого поражения или полупоражения рабочих, нервничает, мечется, хныкает, перебегает из лагеря в лагерь» (см. т. XXIII, стр. 355).

Буржуазия имеет свои основания делать попытки к реставрации, ибо она после своего свержения надолго еще остается сильнее свергнувшего ее пролетариата.

«Если эксплуататоры разбиты только в одной стране, – говорит Ленин, – а это, конечно, типичный случай, ибо одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение, – то они остаются *все же сильнее* эксплуатируемых» (см. там же, стр. 354).

В чем сила свергнутой буржуазии?

Во-первых, «в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии» (см. т. XXV, стр. 173).

Во-вторых, в том, что «эксплуататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ: у них остаются деньги (уничтожить деньги сразу нельзя), кое-какое движимое имущество, часто

значительное, остаются связи, навыки организации и управления, знание всех «тайн» (обычаев, приемов, средств, возможностей) управления, остается более высокое образование, близость к технически вые тему (по-буржуазному живущему и мыслящему) персоналу, остается неизмеримо больший навык в военном деле (это очень важно) и так далее, и так далее» (см. т. XXIII, стр. 354).

В-третьих, «в *силе привычки*, в *силе мелкого производства*. Ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство *рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»... ибо «уничтожить классы значит не только прогнать помещиков и капиталистов – это мы сравнительно легко сделали, – это значит также *уничтожить мелких товаропроизводителей*, а их *нельзя прогнать*, их нельзя подавить, с ними *надо ужиться*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой» (см. т. XXV, стр. 173 и 189).

Вот почему говорит Ленин, что:

«Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против *более могущественного* врага, против буржуазии, сопротивление которой *удесятерено* ее свержением», что «диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества» (см. там же, стр. 173 и 190).

Едва ли нужно доказывать, что выполнить эти задачи в короткий срок, провести все это в несколько лет – нет никакой возможности. Поэтому диктатуру пролетариата, переход от капитализма к коммунизму нужно рассматривать не как мимолетный период в виде ряда «революционнейших» актов и декретов, а как целую историческую эпоху, полную гражданских войн и внешних столкновений, упорной организационной работы и хозяйственного строительства, наступлений и отступлений, побед и поражений. Эта историческая эпоха необходима не только для того, чтобы создать хозяйственные и культурные предпосылки полной победы социализма, но и для того, чтобы дать пролетариату возможность, во-первых – воспитать и закалить себя, как силу, способную управлять страной, во-вторых – перевоспитать и переделать мелкобуржуазные слои в направлении, обеспечивающем организацию социалистического производства.

«Вы должны, – говорил Маркс рабочим, – пережить 15, 20,

50 лет гражданской войны и международных битв не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству» (см. т. VIII Сочинений *К. Маркса и Ф. Энгельса*, стр. 506).

Продолжая и развивая дальше мысль Маркса, Ленин пишет:

«Придется при диктатуре пролетариата перевоспитывать миллионы крестьян и мелких хозяйчиков, сотни тысяч служащих, чиновников, буржуазных интеллигентов, подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому руководству, побеждать в них буржуазные привычки и традиции» так же, как необходимо будет «...перевоспитать... в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями» (см. т. XXV, стр. 248 и 247).

2) *Диктатура пролетариата как господство пролетариата над буржуазией*. Уже из сказанного видно, что диктатура пролетариата не есть простая смена лиц в правительстве, смена «кабинета» и пр., с оставлением в неприкосновенности старых экономических и политических порядков. Меньшевики и оппортунисты всех стран, боящиеся диктатуры, как огня, и подменяющие с перепугу понятие диктатуры понятием «завоевание власти», обычно сводят «завоевание власти» к смене «кабинета», к появлению у власти нового министерства из людей вроде Шейдемана и Носке, Макдональда и Гендерсона. Едва ли нужно разъяснять, что эти и подобные им смены кабинетов не имеют ничего общего с диктатурой пролетариата, с завоеванием действительной власти действительным пролетариатом. Макдональды и Шейдеманы у власти, при оставлении старых буржуазных порядков, их, так сказать, правительства не могут быть чем-нибудь другим, кроме обслуживающего аппарата в руках буржуазии, кроме прикрытия язв империализма, кроме орудия в руках буржуазии против революционного движения угнетенных и эксплуатируемых масс. Они, эти правительства, нужны капиталу, как ширма, когда ему неудобно, невыгодно, трудно угнетать и эксплуатировать массы без ширмы. Конечно, появление таких правительств является признаком того, что «у них там» (т. е. у капиталистов), «на Шипке», не спокойно, но правительства такого рода, несмотря на это, неизбежно остаются подкрашенными правительствами капитала. От правительства Макдональда или Шейдемана до завоевания власти пролетариатом так же далеко, как от земли до неба. Диктатура пролетариата есть не смена правительства, а новое государство, с новыми органами власти в центре и на местах, государство

пролетариата, возникшее на развалинах старого государства, государства буржуазии.

Диктатура пролетариата возникает не на основе буржуазных порядков, а в ходе их ломки, после свержения буржуазии, в ходе экспроприации помещиков и капиталистов, в ходе социализации основных орудий и средств производства, в ходе насильственной революции пролетариата. Диктатура пролетариата есть власть революционная, опирающаяся на насилие над буржуазией.

Государство есть машина в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников. **В этом отношении** диктатура пролетариата ничем по существу не отличается от диктатуры всякого другого класса, ибо пролетарское государство является машиной для подавления буржуазии. Но тут есть одна **существенная** разница. Состоит она в том, что все существовавшие до сих пор классовые государства являлись диктатурой эксплуатирующего меньшинства над эксплуатируемым большинством, между тем как диктатура пролетариата является диктатурой эксплуатируемого большинства над эксплуатирующим меньшинством.

Короче: **диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс** (Ленин. «Государство и революция»).

Из этого следует два основных вывода.

Первый вывод. Диктатура пролетариата не может быть «полной» демократией, демократией для *всех*, и для богатых и для бедных, – диктатура пролетариата «должна быть государством *по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (*против буржуазии*)» (см. т. XXI, стр. 393; курсив мой. – *И. Ст.*). Разговоры Каутского и К^о о всеобщем равенстве, о «чистой» демократии, о «совершенной» демократии и т. д. являются буржуазным прикрытием того несомненного факта, что равенство эксплуатируемых и эксплуататоров невозможно. Теория «чистой» демократии есть теория верхушки рабочего класса, прирученной и подкармливаемой империалистическими грабителями. Она вызвана к жизни для того, чтобы прикрыть язвы капитализма, подкрасить империализм и придать ему моральную силу в борьбе против эксплуатируемых масс. Не бывает и не может быть при капитализме действительных «свобод» для эксплуатируемых, хотя бы потому, что помещения, типографии, склады бумаги и т. д., необходимые для использования «свобод», являются привилегией эксплуататоров. Не бывает и не может быть при капитализме действительного участия эксплуатируемых масс в управлении страной, хотя бы потому, что при самых демократических порядках в условиях капитализма правительства ставятся не народом, а Ротшильдами и Стиннесами, Рокфеллерами и Морганями. Демократия при капитализме есть демократия **капиталистическая**, демократия эксплуататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении прав эксплуатируемого большинства и направленная против этого большинства. Только при пролетарской диктатуре возможны действительные свободы для эксплуатируемых и действительное участие пролетариев и кре-

стьян в управлении страной. Демократия при диктатуре пролетариата есть демократия *пролетарская*, демократия эксплуатируемого большинства, покоящаяся на ограничении прав эксплуататорского меньшинства и направленная против этого меньшинства.

Второй вывод. Диктатура пролетариата не может возникнуть как результат мирного развития буржуазного общества и буржуазной демократии, – она может возникнуть лишь в результате слома буржуазной государственной машины, буржуазной армии, буржуазного чиновничьего аппарата, буржуазной полиции.

«Рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей», – говорят Маркс и Энгельс в предисловии к «Манифесту коммунистической партии». – Пролетарская революция должна «...не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее... – таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте», – говорит Маркс в своем письме к Кугельману в 1871 году. ¹⁶

Ограничительная фраза Маркса о континенте дала повод оппортунистам и меньшевикам всех стран прокричать о том, что Маркс допускал, стало быть, возможность мирного развития буржуазной демократии в демократию пролетарскую, по крайней мере для некоторых стран, не входящих в состав европейского континента (Англия, Америка). Маркс, действительно, допускал такую возможность и он имел основание делать такое допущение для Англии и Америки 70-х годов прошлого столетия, когда не было еще монополистического капитализма, не было империализма и не было еще у этих стран, в силу особых условий их развития, развитой военщины и бюрократизма. Так было дело до появления развитого империализма. Но потом, спустя 30–40 лет, когда положение дел в этих странах изменилось в корне, когда империализм развился и охватил все без исключения капиталистические страны, когда военщина и бюрократизм появились и в Англии с Америкой, когда особые условия мирного развития Англии и Америки исчезли, – ограничение насчет этих стран должно было отпасть само собой.

«Теперь, – говорит Ленин, – в 1917 году, в эпоху первой великой империалистской войны, это ограничение Маркса отпадает. И Англия, и Америка, крупнейшие и последние – во всем мире – представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились

---

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической Партии». 1939, стр. 10 и «Избранные письма». 1947, стр. 263.– 116.

вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке «предварительным условием всякой действительно народной революции» является *ломка, разрушение* «готовой» (изготовленной там в 1914–1917 годах до «европейского», общеимпериалистского, совершенства) «государственной машины» (см. т. XXI, стр. 395).

Иначе говоря, закон о насильственной революции пролетариата, закон о сломе буржуазной государственной машины, как о предварительном условии такой революции, является неизбежным законом революционного движения империалистических стран мира.

Конечно, в далеком будущем, если пролетариат победит в важнейших странах капитализма и если нынешнее капиталистическое окружение сменится окружением социалистическим, вполне возможен «мирный» путь развития для некоторых капиталистических стран, капиталисты которых, в силу «неблагоприятной» международной обстановки, сочтут целесообразным «добровольно» пойти на серьезные уступки пролетариату. Но это предположение касается лишь далекого и возможного будущего. Для ближайшего будущего это предположение не имеет никаких, ровно никаких оснований. Поэтому Ленин прав, когда он говорит:

«Пролетарская революция невозможна без насильственного разрушения буржуазной государственной машины и замены ее новой» (см. т. XXIII, стр. 342).

3) *Советская власть как государственная форма диктатуры пролетариата*. Победа диктатуры пролетариата означает подавление буржуазии, слом буржуазной государственной машины, замену буржуазной демократии демократией пролетарской. Это ясно. Но каковы организации, при помощи которых может быть проделана эта колоссальная работа? Что старые формы организации пролетариата, выросшие на основе буржуазного парламентаризма, недостаточны для такой работы, – в этом едва ли может быть сомнение. Каковы же те новые формы организации пролетариата, которые способны сыграть роль могильщика буржуазной государственной машины, которые способны не только сломать эту машину и не только заменить буржуазную демократию демократией пролетарской, но и стать основой пролетарской государственной власти?

Этой новой формой организации пролетариата являются Советы.

В чем состоит сила Советов в сравнении со старыми формами организации?

В том, что Советы являются наиболее *всеобъемлющими* массовыми организациями пролетариата, ибо они и только они охватывают всех без исключения рабочих.

В том, что Советы являются *единственными* массовыми организациями, которые объединяют всех угнетенных и эксплуатируемых, рабочих и крестьян,

солдат и матросов, и где политическое руководство борьбой масс со стороны авангарда масс, со стороны пролетариата, может быть осуществляемо ввиду этого наиболее легко и наиболее полно.

В том, что Советы являются *наиболее мощными органами* революционной борьбы масс, политических выступлений масс, восстания масс, органами, способными сломить всевластие финансового капитала и его политических придатков.

В том, что Советы являются *непосредственными* организациями самих масс, то есть *наиболее демократическими* и, значит, наиболее авторитетными организациями масс, максимально облегчающими им участие») в устройстве нового государства и в управлении последним и максимально развязывающими революционную энергию, инициативу, творческие способности масс в борьбе за разрушение старого уклада, в борьбе за новый, пролетарский уклад.

Советская власть есть объединение и оформление местных Советов в одну общую государственную организацию, в государственную организацию пролетариата, как авангарда угнетенных и эксплуатируемых масс и как господствующего класса, – объединение в Республику Советов.

Сущность Советской власти заключается в том, что наиболее массовые и наиболее революционные организации тех именно классов, которые угнетались капиталистами и помещиками, являются теперь *«постоянной и единственной»* основой всей государственной власти, всего государственного аппарата», что «именно те массы, которые даже в самых демократических буржуазных республиках», будучи по закону равноправными, «на деле тысячами приемов и уловок отстранялись от участия в политической жизни и от пользования демократическими правами и свободами, привлекаются теперь к *постоянному* и *непременному*, притом *решающему*, участию в демократическом управлении государством» (см. *Ленин*, т. XXIV, стр. 13; курсив везде мой. – *И. Ст.*).

Вот почему Советская власть является *новой формой* государственной организации, принципиально отличной от старой, буржуазно-демократической и парламентарной формы, *новым типом* государства, приносившим не к задачам эксплуатации и угнетения трудящихся масс, а к задачам полного их освобождения от всякого гнета и эксплуатации, к задачам диктатуры пролетариата.

Ленин прав, говоря, что с появлением Советской власти «эпоха буржуазно-демократического парламентаризма кончилась, началась новая глава всемирной истории: эпоха пролетарской диктатуры».

В чем состоят характерные черты Советской власти?

В том, что Советская власть является наиболее массовой и наиболее демократической государственной организацией из всех возможных государственных организаций в условиях существования классов, ибо она, будучи ареной смычки и сотрудничества рабочих и эксплуатируемых крестьян в борьбе против эксплуататоров и опираясь в своей работе на эту смычку и на это сотрудничество, является тем самым властью большинства населения над меньшинством, государством этого большинства, выражением его диктатуры.

В том, что Советская власть является наиболее интернационалистской из всех государственных организаций классового общества, ибо она, разрушая всякий

национальный гнет и опираясь на сотрудничество трудящихся масс различных национальностей, облегчает тем самым объединение этих масс в едином государственном союзе.

В том, что Советская власть, по самой своей структуре, облегчает дело руководства угнетенными и эксплуатируемыми массами со стороны авангарда этих масс, со стороны пролетариата, как наиболее сплоченного и наиболее сознательного ядра Советов.

«Опыт всех революций и всех движений угнетенных классов, опыт всемирного социалистического движения учит нас, – говорит Ленин, – что только пролетариат в состоянии объединить и вести за собой распыленные и отсталые слои трудящегося и эксплуатируемого населения» (см. т. XXIV, стр. 14). Дело в том, что структура Советской власти облегчает проведение в жизнь указаний этого опыта.

В том, что Советская власть, объединяя законодательную и исполнительную власти в единой организации государства и заменяя территориальные выборные округа производственными единицами, заводами и фабриками, – непосредственно связывает рабочие и вообще трудящиеся массы с аппаратами государственного управления, учит их управлению страной.

В том, что только Советская власть способна избавить армию от подчинения буржуазному командованию и превратить ее из орудия угнетения народа, каким она является при буржуазных порядках, в орудие освобождения народа от ига буржуазии, своей и чужой.

В том, что «только советская организация государства в состоянии действительно разбить сразу и разрушить окончательно старый, т. е. буржуазный, чиновничий и судейский аппарат» (см. там же).

В том, что только советская форма государства, привлекающая массовые организации трудящихся и эксплуатируемых к постоянному и безусловному участию в государственном управлении, способна подготовить то отмирание государственности, которое является одним из основных элементов будущего безгосударственного, коммунистического общества.

Республика Советов является, таким образом, той искомой и найденной, наконец, политической формой, в рамках которой должно быть совершено экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма.

Парижская Коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением.

Вот почему говорит Ленин, что:

«Республика Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов является не только формой более высокого типа демократических учреждений... но и *единственной* (курсив мой. – *И. Ст.*) формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму» (см. т. XXII, стр. 131).

V. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Из этой темы я беру *четыре вопроса*:

- а) *постановка вопроса*;
- б) крестьянство **во время буржуазно-демократической** революции;
- в) крестьянство **во время пролетарской** революции;
- г) крестьянство **после упрочения Советской власти**.

1) *Постановка вопроса*. Иные думают, что основное в ленинизме – крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно неверно. Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления. Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть, является вопросом производным.

Это обстоятельство, однако, не лишает его несколько того серьезного, животрепещущего значения, которое, несомненно, имеет он для пролетарской революции. Известно, что серьезная разработка крестьянского вопроса в рядах русских марксистов началась именно накануне первой революции (1905 г.), когда вопрос о свержении царизма и проведении гегемонии пролетариата предстал перед партией во весь свой рост, а вопрос о союзнике пролетариата в предстоящей буржуазной революции принял животрепещущий характер. Известно также, что крестьянский вопрос в России принял еще более актуальный характер во время пролетарской революции, когда вопрос о диктатуре пролетариата, об ее завоевании и удержании привел к вопросу о союзниках пролетариата в предстоящей пролетарской революции. Оно и понятно: кто идет и готовится к власти, тот не может не интересоваться вопросом о своих действительных союзниках.

В этом смысле крестьянский вопрос является частью общего вопроса о диктатуре пролетариата и, как таковой, представляет один из самых животрепещущих вопросов ленинизма.

Равнодушное, а то и прямо отрицательное отношение к крестьянскому вопросу со стороны партий II Интернационала объясняется не только особыми условиями развития на Западе. Оно объясняется прежде всего тем, что эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти. А кто боится революции, кто не думает вести пролетариат к власти, тот не может интересоваться вопросом о союзниках пролетариата в ре-

волюции, – для него вопрос о союзниках является вопросом безразличным, неактуальным. Ироническое отношение героев II Интернационала к крестьянскому вопросу считается у них признаком хорошего тона, признаком «настоящего» марксизма. На самом деле тут нет ни грана марксизма, ибо равнодушие к такому важному вопросу, как крестьянский вопрос, накануне пролетарской революции является обратной стороной отрицания диктатуры пролетариата, несомненным признаком прямой измены марксизму.

Вопрос стоит так: *исчерпаны ли уже* революционные возможности, таящиеся в недрах крестьянства, в силу известных условий его существования, или нет, и если не исчерпаны, *есть ли надежда, основание* использовать эти возможности *для* пролетарской революции, превратить крестьянство, его эксплуатируемое большинство, из резерва буржуазии, каким оно было во время буржуазных революций Запада и каким оно остается и теперь, – в резерв пролетариата, в его союзника?

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно, т. е. в духе признания в рядах большинства крестьянства революционных способностей и в духе возможности их использования в интересах пролетарской диктатуры.

История трех революций в России целиком подтверждает выводы ленинизма на этот счет.

Отсюда практический вывод о поддержке трудящихся масс крестьянства в их борьбе против кабалы и эксплуатации, в их борьбе за избавление от гнета и нищеты. Это не значит, конечно, что пролетариат должен поддерживать *всякое* крестьянское движение. Речь идет здесь о поддержке такого движения и такой борьбы крестьянства, которые облегчают прямо или косвенно освободительное движение пролетариата, которые льют воду так или иначе на мельницу пролетарской революции, которые способствуют превращению крестьянства в резерв и союзника рабочего класса.

2) *Крестьянство во время буржуазно-демократической революции*. Этот период охватывает промежуток времени от первой русской революции (1905 г.) до второй (февраль 1917 г.) включительно. Характерной чертой этого периода является высвобождение крестьянства из-под влияния либеральной буржуазии, *отход* крестьянства от кадетов, *поворот* крестьянства в сторону пролетариата, в сторону партии большевиков. История этого периода есть история борьбы кадетов (либеральная буржуазия) и большевиков (пролетариат) за крестьянство. Судьбу этой борьбы решил думский период, ибо период четырех дум послужил предметным уроком для крестьянства, а этот урок воочию показал крестьянам, что им не получить из рук кадетов ни земли, ни воли, что царь всецело за помещиков, а кадеты поддерживают царя, что единственная сила, на помощь которой можно рассчитывать, – это городские рабочие, пролетариат. Империалистическая война лишь подтвердила урок думского периода, завершив отход крестьянства от буржуазии, завершив изоляцию либеральной буржуазии, ибо годы войны показали всю тщетность, всю обманчивость надежд получить мир от царя и его буржуазных союзников. Без наглядных уроков думского периода гегемония пролетариата была бы невозможна.

Так сложился союз рабочих и крестьян в буржуазно-демократической революции. Так сложилась гегемония (руководство) пролетариата в общей борьбе за свержение царизма, гегемония, приведшая к февральской революции 1917 года.

Буржуазные революции Запада (Англия, Франция, Германия, Австрия) пошли, как известно, по другому пути. Там гегемония в революции принадлежала не пролетариату, который не представлял и не мог представлять по своей слабости самостоятельную политическую силу, а либеральной буржуазии. Там освобождение от крепостнических порядков получило крестьянство не из рук пролетариата, который был малочислен и неорганизован, а из рук буржуазии. Там крестьянство шло против старых порядков вместе с либеральной буржуазией. Там крестьянство представляло резерв буржуазии. Там революция привела, ввиду этого, к громадному усилению политического веса буржуазии.

В России, наоборот, буржуазная революция дала прямо противоположные результаты. Революция в России привела не к усилению, а к ослаблению буржуазии, как политической силы, не к умножению ее политических резервов, а к потере ею основного резерва, к потере крестьянства. Буржуазная революция в России выдвинула на первый план не либеральную буржуазию, а революционный пролетариат, сплотив вокруг него многомиллионное крестьянство.

Этим, между прочим, и объясняется тот факт, что буржуазная революция в России переросла в пролетарскую революцию в сравнительно короткий срок. Гегемония пролетариата была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата.

Чем объяснить это своеобразное явление в русской революции, не имеющее прецедентов в истории буржуазных революций на Западе? Откуда взялось это своеобразие?

Объясняется оно тем, что буржуазная революция развернулась в России при более развитых условиях классовой борьбы, чем на Западе, что русский пролетариат успел уже превратиться к этому времени в самостоятельную политическую силу, между тем как либеральная буржуазия, напуганная революционностью пролетариата, растеряла подобие всякой революционности (особенно после уроков 1905 г.) и повернула в сторону союза с царем и помещиками против революции, против рабочих и крестьян.

Следует обратить внимание на следующие обстоятельства, определившие своеобразие русской буржуазной революции:

а) Небывалая концентрация русской промышленности накануне революции. Известно, напр., что в предприятиях с количеством рабочих свыше 500 чел. работало в России 54% всех рабочих, между тем как в такой развитой стране, как Северная Америка, в аналогичных предприятиях работало всего 33% всех рабочих. Едва ли нужно доказывать, что уже одно это обстоятельство при наличии такой революционной партии, как партия большевиков, превращало рабочий класс России в величайшую силу политической жизни страны.

б) Безобразные формы эксплуатации на предприятиях плюс нестерпимый полицейский режим царских опричников, – обстоятельство, превращавшее каждую серьезную стачку рабочих в громадный политический акт и закалявшее рабочий класс, как силу, до конца революционную.

в) Политическая дряблость русской буржуазии, превратившаяся после революции 1905 года в прислужничество царизму и прямую контрреволюционность, объясняемую не только революционностью русского пролетариата, отбросившего русскую буржуазию в объятия царизма, но и прямой зависимостью этой буржуазии от казенных заказов.

г) Наличие самых безобразных и самых нестерпимых пережитков крепостнических порядков в деревне, дополняемых всевластием помещика, – обстоятельство, бросившее крестьянство в объятия революции.

д) Царизм, давивший все живое и усугублявший своим произволом гнет капиталиста и помещика, – обстоятельство, соединившее борьбу рабочих и крестьян в единый революционный поток.

е) Империалистическая война, слившая все эти противоречия политической жизни России в глубокий революционный кризис и придавшая революции невероятную силу натиска.

Куда было ткнуться крестьянству при таких условиях? У кого искать поддержки против всевластия помещика, против произвола царя, против губительной войны, разорявшей его хозяйство? У либеральной буржуазии? Но она враг, – об этом говорил долголетний опыт всех четырех дум. У эсеров? Эсеры, конечно, «лучше» кадетов, и программа у них «подходячая», почти крестьянская, но что могут дать эсеры, если они думают опереться на одних крестьян и если они слабы в городе, где прежде всего черпает свои силы противник? Где та новая сила, которая ни перед чем не остановится ни в деревне, ни в городе, которая пойдет смело в первые ряды на борьбу с царем и помещиком, которая поможет крестьянству вырваться из кабалы, из безземелья, из гнета, из войны? Была ли вообще такая сила в России? Да, была. Это был русский пролетариат, показавший свою силу, свое умение бороться до конца, свою смелость, свою революционность еще в 1905 году.

Во всяком случае, другой такой силы не было, и взять ее неоткуда было.

Вот почему крестьянство, отчавив от кадетов и причалив к эсерам, пришло вместе с тем к необходимости подчиниться руководству такого мужественного вождя революции, как русский пролетариат.

Таковы обстоятельства, определившие своеобразие русской буржуазной революции.

3) **Крестьянство во время пролетарской революции.** Этот период охватывает промежуток времени от февральской революции (1917 г.) до Октябрьской (1917 г.). Период этот сравнительно недолгий, всего восемь месяцев, – но эти восемь месяцев, с точки зрения политического просвещения и революционного воспитания масс, смело могут быть поставлены на одну доску с целыми десятилетиями обычного конституционного развития, ибо они составляют восемь месяцев **революции**. Характерной чертой этого периода является дальнейшее революционизирование крестьянства, его разочарование в эсерах, **отход** крестьянства от эсеров, новый **поворот** крестьянства в сторону **прямого сплочения** вокруг пролетариата, как единственной до конца революционной силы, способной привести страну к миру. История этого периода есть ис-

тория борьбы эсеров (мелкобуржуазная демократия) и большевиков (пролетарская демократия) за крестьянство, за овладение большинством крестьянства. Судьбу этой борьбы решили коалиционный период, период керенщины, отказ эсеров и меньшевиков от конфискации помещичьей земли, борьба эсеров и меньшевиков за продолжение войны, июньское наступление на фронте, смертная казнь для солдат, восстание Корнилова.

Если раньше, в предыдущий период, основным вопросом революции являлось свержение царя и помещичьей власти, то теперь, в период после февральской революции, когда царя уже не стало, а нескончаемая война доконала хозяйство страны, разорив вконец крестьянство, – основным вопросом революции стал вопрос о ликвидации войны. Центр тяжести явно переместился с вопросов чисто внутреннего характера к основному вопросу – о войне. «Кончить войну», «вырваться из войны» – это был общий крик истомившейся страны и, прежде всего, крестьянства.

Но, чтобы вырваться из войны, необходимо было свергнуть Временное правительство, необходимо было свергнуть власть буржуазии, необходимо было свергнуть власть эсеров и меньшевиков, ибо они и только они затягивали войну до «победного конца». Иного пути выхода из войны, как через свержение буржуазии, не оказалось на практике.

Это была новая революция, революция пролетарская, ибо она сбрасывала с власти последнюю, крайнюю левую фракцию империалистической буржуазии, партию эсеров и меньшевиков, для того, чтобы создать новую, пролетарскую власть, власть Советов, для того, чтобы поставить у власти партию революционного пролетариата, партию большевиков, партию революционной борьбы против империалистической войны за демократический мир. Большинство крестьянства поддержало борьбу рабочих за мир, за власть Советов.

Иного выхода для крестьянства не было. Иного выхода и не могло быть.

Период керенщины был, таким образом, величайшим предметным уроком для трудовых масс крестьянства, ибо он наглядно показал, что при власти эсеров и меньшевиков не вырваться стране из войны, не видать крестьянам ни земли, ни воли, что меньшевики и эсеры отличаются от кадетов лишь сладкими речами и фальшивыми обещаниями, на деле же проводят ту же империалистическую, кадетскую политику, что единственной властью, способной вывести страну «на дорогу», может быть лишь власть Советов. Дальнейшее затягивание войны лишь подтверждало правильность этого урока, подхлестывало революцию и подгоняло миллионные массы крестьян и солдат на путь *прямого сплочения* вокруг пролетарской революции. Изоляция эсеров и меньшевиков стала непреложным фактом. Без наглядных уроков коалиционного периода диктатура пролетариата была бы невозможна.

Таковы обстоятельства, облегчившие процесс перерастания буржуазной революции в революцию пролетарскую.

Так сложилась диктатура пролетариата в России.

4) *Крестьянство после укрепления Советской власти.* Если раньше, в первый период революции, дело шло, главным образом, о свержении царизма, а потом, после февральской революции, вопрос шел, прежде всего, о

выходе из империалистической войны через свержение буржуазии, то теперь, после ликвидации гражданской войны и упрочения Советской власти, – на первый план выступили вопросы хозяйственного строительства. Усилить и развить национализированную индустрию; связать для этого индустрию с крестьянским хозяйством через торговлю, регулируемую государством; заменить продразверстку продналогом с тем, чтобы потом, постепенно уменьшая размеры продналога, свести дело к обмену изделий индустрии на продукты крестьянского хозяйства; оживить торговлю и развить кооперацию, вовлекая в эту последнюю миллионы крестьянства, – вот как рисовал Ленин очередные задачи хозяйственного строительства на пути к постройке фундамента социалистической экономики.

Говорят, что задача эта может оказаться непосильной для такой крестьянской страны, как Россия. Некоторые скептики говорят даже о том, что она просто утопична, невыполнима, ибо крестьянство есть крестьянство, – оно состоит из мелких производителей, и оно не может быть поэтому использовано для организации фундамента социалистического производства.

Но скептики ошибаются, ибо они не учитывают некоторых обстоятельств, имеющих в данном случае решающее значение. Рассмотрим главные из них.

Во-первых. Нельзя смешивать крестьянство Советского Союза с крестьянством Запада. Крестьянство, прошедшее школу трех революций, боровшееся против царя и буржуазной власти вместе с пролетариатом и во главе с пролетариатом, крестьянство, получившее землю и мир из рук пролетарской революции и ставшее ввиду этого резервом пролетариата, – это крестьянство не может не отличаться от крестьянства, боровшегося во время буржуазной революции во главе с либеральной буржуазией, получившего землю из рук этой буржуазии и ставшего ввиду этого резервом буржуазии. Едва ли нужно доказывать, что советское крестьянство, привыкшее ценить политическую дружбу и политическое сотрудничество с пролетариатом и обязанное своей свободой этой дружбе и этому сотрудничеству, – не может не составлять исключительно благоприятный материал для экономического сотрудничества с пролетариатом.

Энгельс говорил, что «завоевание политической власти социалистической партией стало делом близкого будущего», что «для того, чтобы завоевать ее, партия должна сначала пойти из города в деревню и сделаться сильной в деревне» (см. «Крестьянский вопрос» Энгельса, изд. 1922 г. 17). Он писал об этом в 90-х годах прошлого столетия, имея в виду западное крестьянство. Нужно ли доказывать, что русские коммунисты, проделавшие в этом отношении колоссальную работу в течение трех революций, успели уже создать себе в деревне такое влияние и такую опору, о которых не смеют даже мечтать наши западные товарищи? Как можно отрицать, что это обстоятельство не может не облегчить коренным образом дело налаживания экономического сотрудничества между рабочим классом и крестьянством России?

---

¹⁷ См. Ф. Энгельс. «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». 1922, стр. 41 и 66–67. – 133.

Скептики твердят о мелких крестьянах, как о факторе, несовместимом с социалистическим строительством. Но слушайте, что говорит Энгельс о мелких крестьянах Запада:

«Мы решительно стоим на стороне мелкого крестьянина; мы будем делать все возможное, чтобы ему было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу в случае, если он на это решится; в том же случае, если он еще не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать об этом на своем клочке. Мы будем поступать так не только потому, что считаем возможным переход на нашу сторону самостоятельно работающего мелкого крестьянина, но также и из непосредственных партийных интересов. Чем больше будет число крестьян, которым мы не дадим спуститься до пролетариев и которых мы привлечем на свою сторону еще крестьянами, тем быстрее и легче совершится общественное преобразование. Нам было бы бесполезно ожидать с этим преобразованием того времени, когда капиталистическое производство повсюду разовьется до своих крайних последствий, когда и последний мелкий ремесленник, и последний мелкий крестьянин падут жертвами крупного капиталистического производства. Материальные жертвы, которые придется принести в этом смысле в интересах крестьян из общественных средств, с точки зрения капиталистической экономики могут показаться выброшенными деньгами, а, между тем, это – прекрасное употребление капитала, потому что они сэкономят, может быть, в десять раз большие суммы при расходах на общественное преобразование в его целом. В этом смысле мы можем, следовательно, быть очень щедрыми по отношению к крестьянам» (см. там же).

Так говорил Энгельс, имея в виду западное крестьянство. Но разве не ясно, что сказанное Энгельсом нигде не может быть осуществлено с такой легкостью и полнотой, как в стране диктатуры пролетариата? Разве не ясно, что только в Советской России могут быть проведены в жизнь теперь же и полностью и «переход на нашу сторону самостоятельно работающего мелкого крестьянина», и необходимые для этого «материальные жертвы», и нужная для этого «щедрость по отношению к крестьянам», что эти и подобные им меры в пользу крестьян уже проводятся в России? Как можно отрицать, что это обстоятельство, в свою очередь, должно облегчить и двинуть вперед дело хозяйственного строительства Советской страны?

Во-вторых. Нельзя смешивать сельское хозяйство России с сельским хозяйством Запада. Там развитие сельского хозяйства идет по обычной линии капитализма, в обстановке глубокой дифференциации крестьянства, с крупными

имениями и частно-капиталистическими латифундиями на одном полюсе, с пауперизмом, нищетой и наемным рабством – на другом. Там распад и разложение ввиду этого вполне естественны. Не то в России. У нас развитие сельского хозяйства не может пойти по такому пути хотя бы потому, что наличие Советской власти и национализация основных орудий и средств производства не допускают такого развития. В России развитие сельского хозяйства должно пойти по другому пути, по пути кооперирования миллионов мелкого и среднего крестьянства, по пути развития в деревне массовой кооперации, поддерживаемой государством в порядке льготного кредитования. Ленин правильно указал в статьях о кооперации, что развитие сельского хозяйства у нас должно пойти по новому пути, по пути вовлечения большинства крестьян в социалистическое строительство через кооперацию, по пути постепенного внедрения в сельское хозяйство начал коллективизма сначала в области сбыта, а потом – в области производства продуктов сельского хозяйства.

Крайне интересны в этом отношении некоторые новые явления в деревне в связи с работой сельскохозяйственной кооперации. Известно, что внутри Сельскосоюза ¹⁸ народились новые крупные организации по отраслям сельского хозяйства, – по льну, картофелю, маслу и пр., имеющие большую будущность. Из них, например, Льноцентр объединяет целую сеть производственных товариществ крестьян-льноводов. Льноцентр занимается тем, что снабжает крестьян семенами и орудиями производства, потом у тех же крестьян покупает всю продукцию льна, сбывает ее в массовом масштабе на рынок; обеспечивает крестьянам участие в прибылях и, таким образом, связывает крестьянское хозяйство через Сельскосоюз с государственной промышленностью. Как назвать такую форму организации производства? Это есть, по-моему, домашняя система крупного государственно-социалистического производства в области сельского хозяйства. Я говорю здесь о домашней системе государственно-социалистического производства по аналогии с домашней системой капитализма в области, скажем, текстильного производства, где кустари, получая от капиталиста сырье и орудия и сдавая ему всю свою продукцию, фактически являлись полунаемными рабочими на дому. Это один из многих показателей того, по какому пути должно пойти у нас развитие сельского хозяйства. Я уже не говорю здесь о других показателях такого же рода по другим отраслям сельского хозяйства.

Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство крестьянства охотно станет на этот новый путь развития, отбросив прочь путь частно-капиталистических латифундий и наемного рабства, путь нищеты и разорения.

Вот что говорит Ленин о путях развития нашего сельского хозяйства:

«Власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян,

---

¹⁸ Сельскосоюз – Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации; существовал с августа 1921 до июня 1929 года. – 136.

обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., – разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» (см. т. XXVII, стр. 392).

Говоря дальше о необходимости финансовой и иной поддержки кооперации, как «нового принципа организации населения» и нового «общественного строя» при диктатуре пролетариата, Ленин продолжает:

«Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение «свободного» капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный. Но поддерживать его надо в настоящем смысле этого слова, т. е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота, – под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором *действительно участвуют действительные массы населения*» (см. там же, стр. 393).

О чем говорят все эти обстоятельства?

О том, что скептики не правы.

О том, что прав ленинизм, рассматривающий трудящиеся массы крестьянства, как резерв пролетариата.

О том, что стоящий у власти пролетариат может и должен использовать этот резерв для того, чтобы сомкнуть индустрию с сельским хозяйством, поднять социалистическое строительство и подвести под диктатуру пролетариата тот необходимый фундамент, без которого невозможен переход к социалистической экономике.

VI. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Из этой темы я беру *два главных* вопроса:

а) *постановка вопроса,*

б) освободительное движение угнетенных народов и пролетарская революция.

1) **Постановка вопроса.** За последние два десятилетия национальный вопрос претерпел ряд серьезнейших изменений. Национальный вопрос в период II Интернационала и национальный вопрос в период ленинизма далеко не одно и то же. Они глубоко друг от друга отличаются не только по объему, но и по внутреннему своему характеру.

Раньше национальный вопрос замыкался обычно тесным кругом вопросов, касающихся, главным образом, «культурных» национальностей. Ирландцы, венгры, поляки, финны, сербы и некоторые другие национальности Европы – таков тот круг неполноправных народов, судьбами которых интересовались деятели II Интернационала. Десятки и сотни миллионов азиатских и африканских народов, терпящих национальный гнет в самой грубой и жестокой форме, обычно оставались вне поля зрения. Белых и черных, «культурных» и «некультурных» не решались ставить на одну доску. Две-три пустых и кисло-сладких резолюции, старательно обходящих вопрос об освобождении колоний, – это все, чем могли похвастать деятели II Интернационала. Теперь эту двойственность и половинчатость в национальном вопросе нужно считать ликвидированной. Ленинизм вскрыл это вопиющее несоответствие, разрушил стену между белыми и черными, между европейцами и азиатами, между «культурными» и «некультурными» рабами империализма и связал, таким образом, национальный вопрос с вопросом о колониях. Тем самым национальный вопрос был превращен из вопроса частного и внутригосударственного в вопрос общий и международный, в мировой вопрос об освобождении угнетенных народов зависимых стран и колоний от ига империализма.

Раньше принцип самоопределения наций истолковывался обычно неправильно, суживаясь нередко до права наций на автономию. Некоторые лидеры II Интернационала дошли даже до того, что право на самоопределение превратили в право на культурную автономию, т. е. в право угнетенных наций иметь свои культурные учреждения, оставляя всю политическую власть в руках господствующей нации. Это обстоятельство вело к тому, что идея самоопределения из орудия борьбы с аннексиями рисковала превратиться в орудие оправдания аннексий.

Теперь эту путаницу нужно считать преодоленной. Ленинизм расширил понятие самоопределения, истолковав его как право угнетенных народов зависимых стран и колоний на полное отделение, как право наций на самостоятельное государственное существование. Тем самым была исключена и возможность оправдания аннексий путем истолкования права на самоопределение как права на автономию. Самый же принцип самоопределения был превращен, таким образом, из орудия обмана масс, каким он, несомненно, являлся в руках социал-шовинистов во время империалистической войны, в орудие разоблачения всех и всяких империалистических вождедений и шовинистических махинаций, в орудие политического просвещения масс в духе интернационализма.

Раньше вопрос об угнетенных нациях рассматривался обычно, как вопрос чисто правовой. Торжественное провозглашение «национального равноправия», бесчисленные декларации о «равенстве наций» – вот чем пробавлялись партии II Интернационала, замазывающие тот факт, что «равенство наций» при империализме, когда одна группа наций (меньшинство) живет за счет эксплуатации другой группы наций, является издевкой над угнетенными народами. Теперь эту буржуазно-правовую точку зрения в национальном вопросе нужно считать разоблаченной. Ленинизм низвел национальный вопрос с высот широковещательных деклараций на землю, заявив, что декларации о «равенстве наций», не подкрепляемые со стороны пролетарских партий прямой поддержкой освободительной борьбы угнетенных народов, являются пустыми и фальшивыми декларациями. Тем самым вопрос об угнетенных нациях стал вопросом о поддержке, о помощи, действительной и постоянной помощи угнетенным нациям в их борьбе с империализмом за действительное равенство наций, за их самостоятельное государственное существование.

Раньше национальный вопрос рассматривался реформистски, как отдельный самостоятельный вопрос, вне связи с общим вопросом о власти капитала, о свержении империализма, о пролетарской революции. Молчаливо предполагалось, что победа пролетариата в Европе возможна без прямого союза с освободительным движением в колониях, что разрешение национально-колониального вопроса может быть проведено втихомолку, «самотеком», в стороне от большой дороги пролетарской революции, без революционной борьбы с империализмом. Теперь эту антиреволюционную точку зрения нужно считать разоблаченной. Ленинизм доказал, а империалистическая война и революция в России подтвердили, что национальный вопрос может быть разрешен лишь в связи и на почве пролетарской революции, что путь победы революции на Западе проходит через революционный союз с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма. Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата.

Вопрос стоит так: *исчерпаны ли уже* революционные возможности, имеющиеся в недрах революционно-освободительного движения угнетенных стран, или нет, и если не исчерпаны, – есть ли надежда, основание использовать эти возможности для пролетарской революции, превратить зависимые и колониальные страны из резерва империалистической буржуазии в резерв революционного пролетариата, в союзника последнего?

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно, т. е. в духе признания в недрах национально-освободительного движения угнетенных стран революционных способностей и в духе возможности их использования в интересах свержения общего врага, в интересах свержения империализма. Механика развития империализма, империалистическая война и революция в России целиком подтверждают выводы ленинизма на этот счет.

Отсюда необходимость поддержки, решительной и активной поддержки со стороны пролетариата «державных» наций национально-освободительного движения угнетенных и зависимых народов.

Это не значит, конечно, что пролетариат должен поддерживать *всякое* национальное движение, везде и всегда, во всех отдельных конкретных случаях. Речь идет о поддержке таких национальных движений, которые направлены на ослабление, на свержение империализма, а не на его укрепление и сохранение. Бывают случаи, когда национальные движения отдельных угнетенных стран приходят в столкновение с интересами развития пролетарского движения. Само собой понятно, что в таких случаях не может быть и речи о поддержке. Вопрос о правах наций есть не изолированный и самодовлеющий вопрос, а часть общего вопроса о пролетарской революции, подчиненная целому и требующая своего рассмотрения под углом зрения целого. Маркс в 40-х годах прошлого века стоял за национальное движение поляков и венгров против национального движения чехов и южных славян. Почему? Потому, что чехи и южные славяне являлись тогда «реакционными народами», «русскими форпостами» в Европе, форпостами абсолютизма, тогда как поляки и венгры являлись «революционными народами», боровшимися против абсолютизма. Потому, что поддержка национального движения чехов и южных славян означала тогда косвенную поддержку царизма, опаснейшего врага революционного движения в Европе.

«Отдельные требования демократии, – говорит Ленин, – в том числе самоопределение, не абсолют, а *частичка* общедемократического (ныне: общесоциалистического) *мирового* движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее» (см. т. XIX, стр. 257–258).

Так обстоит дело с вопросом об отдельных национальных движениях, о возможном реакционном характере этих движений, если, конечно, расценивать их не с формальной точки зрения, не с точки зрения абстрактных прав, а конкретно, с точки зрения интересов революционного движения.

То же самое нужно сказать о революционном характере национальных движений вообще. Несомненная революционность громадного большинства национальных движений столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных движений. Революционный характер национального движения в обстановке империалистического гнета вовсе не предполагает обязательного наличия пролетарских элементов в движении, наличия революционной или республиканской

программы движения, наличия демократической основы движения. Борьба афганского эмира за независимость Афганистана является объективно **революционной** борьбой, несмотря на монархический образ взглядов эмира и его сподвижников, ибо она ослабляет, разлагает, подтачивает империализм, между тем как борьба таких «отчаянных» демократов и «социалистов», «революционеров» и республиканцев, как, скажем, Керенский и Церетели, Рендель и Шейдеман, Чернов и Дан, Гендерсон и Клайнс, во время империалистической войны, была борьбой **реакционной**, ибо она имела своим результатом подкрашивание, укрепление, победу империализма. Борьба египетских купцов и буржуазных интеллигентов за независимость Египта является, по тем же причинам, борьбой **революционной**, несмотря на буржуазное происхождение и буржуазное звание лидеров египетского национального движения, несмотря на то, что они против социализма, между тем как борьба английского «рабочего» правительства за сохранение зависимого положения Египта является, по тем же причинам, борьбой **реакционной**, несмотря на пролетарское происхождение и на пролетарское звание членов этого правительства, несмотря на то, что они «за» социализм. Я уже не говорю о национальном движении других, более крупных, колониальных и зависимых стран, вроде Индии и Китая, каждый шаг которых по пути к освобождению, если он даже нарушает требования формальной демократии, является ударом парового молота по империализму, т. е. шагом, несомненно, **революционным**.

Ленин прав, говоря, что национальное движение угнетенных стран нужно расценивать не с точки зрения формальной демократии, а с точки зрения фактических результатов в общем балансе борьбы против империализма, то есть «не изолированно, а в мировом масштабе» (см. т. XIX, стр. 257).

2) **Освободительное движение угнетенных народов и пролетарская революция.** При решении национального вопроса ленинизм исходит из следующих положений:

а) мир разделен на два лагеря: на лагерь горстки цивилизованных наций, обладающих финансовым капиталом и эксплуатирующих громадное большинство населения земного шара, и лагерь угнетенных и эксплуатируемых народов колоний и зависимых стран, составляющих это большинство;

б) колонии и зависимые страны, угнетаемые и эксплуатируемые финансовым капиталом, составляют величайший резерв и серьезнейший источник сил империализма;

в) революционная борьба угнетенных народов, зависимых¹ и колониальных стран против империализма является единственным путем их освобождения от гнета и эксплуатации;

г) важнейшие колониальные и зависимые страны уже вступили на путь национально-освободительного движения, которое не может не привести к кризису всемирного капитализма;

д) интересы пролетарского движения в развитых странах и национально-освободительного движения в колониях требуют соединения этих двух видов революционного движения в общий фронт против общего врага, против империализма;

е) победа рабочего класса в развитых странах и освобождение угнетенных народов от ига империализма невозможны без образования и укрепления общего революционного фронта;

ж) образование общего революционного фронта невозможно без прямой и решительной поддержки со стороны пролетариата угнетающих наций освободительного движения угнетенных народов против «отечественного» империализма, ибо «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы» (*Энгельс*);

з) поддержка эта означает отстаивание, защиту, проведение в жизнь лозунга – право наций на отделение, на самостоятельное государственное существование;

и) без проведения этого лозунга невозможно наладить объединение и сотрудничество наций в едином мировом хозяйстве, составляющем материальную базу победы всемирного социализма;

к) объединение это может быть лишь добровольным, возникшим на основе взаимного доверия и братских взаимоотношений народов.

Отсюда две стороны, две тенденции в национальном вопросе: тенденция к политическому освобождению от империалистических уз и к образованию самостоятельного национального государства, возникшая на основе империалистического гнета и колониальной эксплуатации, и тенденция к хозяйственному сближению наций, возникшая в связи с образованием мирового рынка и мирового хозяйства.

«Развивающийся капитализм, – говорит Ленин, – знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм» (см. т. XVII, стр. 139–140).

Для империализма эти две тенденции являются непримиримыми противоречиями, ибо империализм не может жить без эксплуатации и насильственного удержания колоний в рамках «единого целого», ибо империализм может сближать нации лишь путем аннексии и колониальных захватов, без которых он, вообще говоря, немислим.

Для коммунизма, наоборот, эти тенденции являются лишь двумя сторонами одного дела, дела освобождения угнетенных народов от ига империализма, ибо коммунизм знает, что объединение народов в едином мировом хозяйстве возможно лишь на началах взаимного доверия и добровольного соглашения, что

путь образования добровольного объединения народов лежит через отделение колоний от «единого» империалистического «целого», через превращение их в самостоятельные государства.

Отсюда необходимость упорной, непрерывной, решительной борьбы с великодержавным шовинизмом «социалистов» господствующих наций (Англия, Франция, Америка, Италия, Япония и пр.), не желающих бороться со своими империалистическими правительствами, не желающих поддержать борьбу угнетенных народов «их» колоний за освобождение от гнета, за государственное отделение.

Без такой борьбы немисливо воспитание рабочего класса господствующих наций в духе действительного интернационализма, в духе сближения с трудящимися массами зависимых стран и колоний, в духе действительной подготовки пролетарской революции. Революция в России не победила бы, и Колчак с Деникиным не были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи. Но для того, чтобы завоевать сочувствие и поддержку этих народов, он должен был прежде всего разбить цепи русского империализма и освободить эти народы от национального гнета.

Без этого невозможно было бы упрочить Советскую власть, насадить действительный интернационализм и создать ту замечательную организацию сотрудничества народов, которая называется Союзом Советских Социалистических Республик и которая является живым прообразом будущего объединения народов в едином мировом хозяйстве.

Отсюда необходимость борьбы против национальной замкнутости, узости, обособленности социалистов угнетенных стран, не желающих подняться выше своей национальной колокольни и не понимающих связи освободительного движения своей страны с пролетарским движением господствующих стран.

Без такой борьбы немисливо отстоять самостоятельную политику пролетариата угнетенных наций и его классовую солидарность с пролетариатом господствующих стран в борьбе за свержение общего врага, в борьбе за свержение империализма.

Без такой борьбы интернационализм был бы невозможен.

Таков путь воспитания трудовых масс господствующих и угнетенных наций в духе революционного интернационализма.

Вот что говорит Ленин об этой двусторонней работе коммунизма по воспитанию рабочих в духе интернационализма:

«Может ли это воспитание... быть **конкретно одинаково** в нациях больших и угнетающих и в нациях маленьких, угнетаемых? В нациях аннектирующих и нациях аннектируемых?»

Очевидно, нет. Путь к одной цели: к полному равноправию, теснейшему сближению и дальнейшему **слиянию всех** наций идет здесь, очевидно, различными конкретными дорогами, – все равно, как путь, скажем, к точке, находящейся

в середине данной страницы, идет налево от одного бокового края ее и направо от противоположного края. Если социал-демократ большой, угнетающей, аннектирующей нации, исповедуя вообще слияние наций, забудет хоть на минуту о том, что «его» Николай II, «его» Вильгельм, Георг, Пуанкаре и пр. **тоже за слияние** с мелкими нациями (путем аннексий) – Николай II за «слияние» с Галицией, Вильгельм II за «слияние» с Бельгией и пр., – то подобный социал-демократ окажется смешным доктринером в теории, пособником империализма на практике.

Центр тяжести интернационалистского воспитания рабочих в угнетающих странах неминуемо должен состоять в проповеди и отстаивании ими свободы отделения угнетенных стран. Без этого **нет** интернационализма. Мы вправе и обязаны третировать всякого социал-демократа угнетающей нации, который **не** ведет такой пропаганды, как империалиста и как негодяя. Это безусловное требование, хотя бы **случай** отделения был возможен и «осуществим» до социализма всего в 1 из 1000 случаев...

Наоборот. Социал-демократ маленькой нации должен центр тяжести своей агитации класть на **втором** слове нашей общей формулы: «добровольное **соединение**» наций. Он может, не нарушая своих обязанностей, как интернационалиста, быть **и** за политическую независимость своей нации, **и** за ее включение в соседнее государство X, Y, Z, и пр. Но во всех случаях он должен бороться **против** мелко-национальной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего.

Люди, не вдумавшиеся в вопрос, находят «противоречивым», чтобы социал-демократы угнетающих наций настаивали на «свободе **отделения**», а социал-демократы угнетенных наций на «свободе **соединения**». Но небольшое размышление показывает, что **иного** пути к интернационализму и слиянию наций, иного пути к этой цели **от данного** положения нет и быть не может» (см. т. XIX, стр. 261–262).

VII. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Из этой темы я беру *шесть вопросов*:

- а) стратегия и тактика как наука о руководстве классовой борьбой пролетариата;
- б) *этапы* революции и стратегия;
- в) *приливы* и *отливы* движения и тактика;
- г) *стратегическое* руководство;
- д) *тактическое* руководство;
- е) *реформизм* и *революционизм*.

1) *Стратегия и тактика как наука о руководстве классовой борьбой пролетариата*. Период господства II Интернационала был периодом по преимуществу формирования и обучения пролетарских политических армий в обстановке более или менее мирного развития. Это был период парламентаризма, как преимущественной формы классовой борьбы. Вопросы о великих столкновениях классов, о подготовке пролетариата к революционным схваткам, о путях завоевания диктатуры пролетариата не стояли тогда, как казалось, на очереди. Задача сводилась к тому, чтобы использовать все пути легального развития для формирования и обучения пролетарских армий, использовать парламентаризм применительно к условиям, при которых пролетариат оставался и должен был, как казалось, остаться в положении оппозиции. Едва ли нужно доказывать, что в такой период и при таком понимании задач пролетариата не могло быть ни цельной стратегии, ни разработанной тактики. Были обрывки, отдельные мысли о тактике и стратегии, но тактики и стратегии не было.

Смертный грех II Интернационала состоит не в том, что он проводил в свое время тактику использования парламентских форм борьбы, а в том, что он переоценивал значение этих форм, считая их чуть ли не единственными, а когда настал период открытых революционных схваток и вопрос о внепарламентских формах борьбы стал на первую очередь, партии II Интернационала отвернулись от новых задач, не приняли их.

Только в следующий период, период открытых выступлений пролетариата, в период пролетарской революции, когда вопрос о свержении буржуазии стал вопросом прямой практики, когда вопрос о резервах пролетариата (стратегия) сделался одним из самых животрепещущих вопросов, когда все формы борьбы и организации – и парламентские, и внепарламентские (тактика) – выявили себя с

полной определенностью, – только в этот период могли быть выработаны цельная стратегия и разработанная тактика борьбы пролетариата. Гениальные мысли Маркса и Энгельса о тактике и стратегии, замуравленные оппортунистами II Интернационала, были вытащены Лениным на свет божий в этот именно период. Но Ленин не ограничился восстановлением отдельных тактических положений Маркса и Энгельса. Он их развил дальше и дополнил новыми мыслями по положениями, объединив все это в систему правил и руководящих начал по руководству классовой борьбой пролетариата. Такие брошюры Ленина, как «Что делать?», «Две тактики», «Империализм», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь», несомненно войдут как ценнейший вклад в общую сокровищницу марксизма, в его революционный арсенал. Стратегия и тактика ленинизма есть наука о руководстве революционной борьбой пролетариата.

2) *Этапы революции и стратегия.* Стратегия есть определение направления главного удара пролетариата на основе данного этапа революции, выработка соответствующего плана расположения революционных сил (главных и второстепенных резервов), борьба за проведение этого плана на всем протяжении данного этапа революции.

Наша революция пережила уже два этапа и вступила после Октябрьского переворота в третий этап. Сообразно с этим менялась стратегия.

Первый этап. 1903 год – февраль 1917 года. Цель – свалить царизм, ликвидировать полностью пережитки средневековья. Основная сила революции – пролетариат. Ближайший резерв – крестьянство. Направление основного удара: изоляция либерально-монархической буржуазии, старающейся овладеть крестьянством и ликвидировать революцию путем *соглашения* с царизмом. План расположения сил: союз рабочего класса с крестьянством. «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии» (см. *Ленин*, т. VIII, стр. 96).

Второй этап. Март 1917 года – октябрь 1917 года. Цель – свалить империализм в России и выйти из империалистической войны. Основная сила революции – пролетариат. Ближайший резерв – беднейшее крестьянство. Пролетариат соседних стран, как вероятный резерв. Затянувшаяся война и кризис империализма, как благоприятный момент. Направление основного удара: изоляция мелкобуржуазной демократии (меньшевики, эсеры), старающейся овладеть трудовыми массами крестьянства и кончить революцию путем *соглашения* с империализмом. План расположения сил: союз пролетариата с беднейшим крестьянством. «Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии» (см. там же).

Третий этап. Начался он после Октябрьского переворота. Цель – упрочить диктатуру пролетариата в одной стране, используя ее как опорный пункт для преодоления империализма во всех странах. Революция выходит за рамки одной страны, началась эпоха мировой революции. Основные силы революции:

диктатура пролетариата в одной стране, революционное движение пролетариата во всех странах. Главные резервы: полупролетарские и мелкокрестьянские массы в развитых странах, освободительное движение в колониях и зависимых странах. Направление основного удара: изоляция мелкобуржуазной демократии, изоляция партий II Интернационала, представляющих основную опору политики *соглашения* с империализмом. План расположения сил: союз пролетарской революции с освободительным движением колоний и зависимых стран.

Стратегия имеет дело с основными силами революции и их резервами. Она меняется в связи с переходом революции от одного этапа к другому, оставаясь в основном без изменений за весь период данного этапа.

3) *Приливы и отливы движения и тактика*. Тактика есть определение линии доведения пролетариата за сравнительно короткий период прилива или отлива движения, подъема или упадка революции, борьба за проведение этой линии путем смены старых форм борьбы и организации новыми, старых лозунгов новыми, путем сочетания этих форм и т. д. Если стратегия имеет целью выиграть войну, скажем, с царизмом или с буржуазией, довести до конца борьбу с царизмом или буржуазией, то тактика ставит себе менее существенные цели, ибо она старается выиграть не войну в целом, а те или иные сражения, те или иные бои, успешно провести те или иные кампании, те или иные выступления, соответствующие конкретной обстановке в период данного подъема или упадка революции. Тактика есть часть стратегии, ей подчиненная, ее обслуживающая.

Тактика меняется в зависимости от приливов и отливов. В то время, как в период первого этапа революции (1903–1917, февраль) стратегический план оставался без изменения, тактика менялась за это время несколько раз. В период 1903–1905 годов тактика партии была наступательная, ибо был прилив революции, движение поднималось в гору, и тактика должна была исходить из этого факта. Соответственно с этим и формы борьбы были революционные, отвечающие требованиям прилива революции. Местные политические забастовки, политические демонстрации, общая политическая забастовка, бойкот Думы, восстание, революционно-боевые лозунги, – таковы сменяющие друг друга формы борьбы за этот период. В связи с формами борьбы изменились тогда и формы организации. Фабрично-заводские комитеты, крестьянские революционные комитеты, забастовочные комитеты, Советы рабочих депутатов, более или менее открытая рабочая партия, – таковы формы организации за этот период.

В период 1907–1912 годов партия вынуждена была перейти на тактику отступления, ибо мы имели тогда упадок революционного движения, отлив революции, и тактика не могла не считаться с этим фактом. Соответственно с этим изменились и формы борьбы, так же как и формы организации. Вместо бойкота Думы – участие в Думе, вместо открытых внедумских революционных выступлений – думские выступления и думская работа, вместо общих политических забастовок – частичные экономические забастовки или просто затишье. Понятно, что партия должна была уйти в этот период в подполье, массовые же революционные организации были заменены культурно-просветительными, кооперативными, страховыми и прочими подзаконными организациями.

То же самое нужно сказать о втором и третьем этапах революции, на протяжении которых тактика менялась десятки раз, тогда как стратегические планы оставались без изменения.

Тактика имеет дело с формами борьбы и формами организации пролетариата, с их сменой, их сочетанием. На основе данного этапа революции тактика может меняться несколько раз, в зависимости от приливов или отливов, от подъема или упадка революции.

4) **Стратегическое руководство.** Резервы революции бывают:

прямые: а) крестьянство и вообще переходные слои своей страны, б) пролетариат соседних стран, в) революционное движение в колониях и зависимых странах, г) завоевания и приобретения диктатуры пролетариата, – от части которых пролетариат может временно отказаться, оставив за собой перевес сил, с тем, чтобы подкупить сильного противника и получить передышку, и

косвенные: а) противоречия и конфликты между непролетарскими классами своей страны, могущие быть использованными пролетариатом для ослабления противника, для усиления своих резервов, б) противоречия, конфликты и войны (например, империалистическая война) между враждебными пролетарскому государству буржуазными государствами, могущие быть использованными пролетариатом при своем наступлении или при маневрировании в случае вынужденного отступления.

О резервах первого рода не стоит распространяться, так как их значение понятно всем и каждому. Что касается резервов второго рода, значение которых не всегда ясно, то нужно сказать, что они имеют иногда первостепенное значение для хода революции. Едва ли можно отрицать громадное значение, например, того конфликта между мелкобуржуазной демократией (эсеры) и либерально-монархической буржуазией (кадеты) во время первой революции и после нее, который, несомненно, сыграл свою роль в деле высвобождения крестьянства из-под влияния буржуазии. Еще меньше оснований отрицать колоссальное значение факта смертельной войны между основными группами империалистов в период Октябрьского переворота, когда империалисты, занятые войной между собой, не имели возможности сосредоточить силы против молодой Советской власти, а пролетариат именно поэтому получил возможность взяться вплотную за организацию своих сил, за укрепление своей власти и подготовить разгром Колчака и Деникина. Надо полагать, что теперь, когда противоречия между империалистическими группами все более углубляются и когда новая война между ними становится неизбежной, резервы такого рода будут иметь для пролетариата все более серьезное значение.

Задача стратегического руководства состоит в том, чтобы правильно использовать все эти резервы для достижения основной цели революции на данном этапе ее развития.

В чем состоит правильное использование резервов?

В выполнении некоторых необходимых условий, из которых главными условиями нужно считать следующие.

Во-первых. Сосредоточение главных сил революции в решающий момент

на наиболее уязвимом для противника пункте, когда революция уже назрела, когда наступление идет на всех парах, когда восстание стучится в дверь и когда подтягивание резервов к авангарду является решающим условием успеха. Примером, демонстрирующим такого рода использование резервов, можно считать стратегию партии за период апрель – октябрь 1917 года. Несомненно, что наиболее уязвимым пунктом противника в этот период была война. Несомненно, что именно на этом вопросе, как основном, собралась партия вокруг пролетарского авангарда широчайшие массы населения. Стратегия партии в этот период сводилась к тому, чтобы, обучая авангард уличным выступлениям путем манифестаций и демонстраций, подтягивать вместе с тем к авангарду резервы через Советы в тылу и солдатские комитеты на фронте. Исход революции показал, что использование резервов было правильное.

Вот что говорит Ленин об этом условии стратегического использования сил революции, перефразируя известные положения Маркса и Энгельса о восстании:

«1) Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца*.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, *«моральный перевес»*» (см. т. XXI, стр. 319–320).

Во-вторых. Выбор момента решающего удара, момента открытия восстания, рассчитанный на то, что кризис дошел до высшей точки, что готовность авангарда биться до конца, готовность резерва поддержать авангард и максимальная растерянность в рядах противника – имеются уже налицо.

Решительное сражение, – говорит Ленин, – можно считать вполне назревшим, *если* «(1) все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам»; *если* «(2) все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые, промежуточные элементы, т. е. мелкая буржуазия, мелкобуржуазная демократия в отличие от буржуазии, доста-

точно разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством»; *если* «(3) в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу поддержки самых решительных, беззаветно-смелых, революционных действий против буржуазии. Вот тогда революция назрела, вот тогда наша победа, если мы верно учли все намеченные выше... условия и верно выбрали момент, наша победа обеспечена» (см. т. XXV, стр. 229).

Образцом такой стратегии можно считать проведение Октябрьского восстания.

Нарушение этого условия ведет к опасной ошибке, называемой «потерей темпа», когда партия отстает от хода движения или забегает далеко вперед, создавая опасность провала. Примером такой «потери темпа», примером того, как не следует выбирать момент восстания, нужно считать попытку одной части товарищей начать восстание с ареста Демократического совещания в сентябре 1917 года, когда в Советах чувствовалось еще колебание, фронт находился еще на перепутьи, резервы не были еще подтянуты к авангарду.

В-третьих. Неуклонное проведение уже принятого курса через все и всякие затруднения и осложнения на пути к цели, необходимое для того, чтобы авангард не терял из виду основной цели борьбы, а массы не сбивались с пути, идя к этой цели и стараясь спланиваться вокруг авангарда. Нарушение этого условия ведет к громадной ошибке, хорошо известной морякам под именем «потери курса». Примером такой «потери курса» нужно считать ошибочное поведение нашей партии непосредственно после Демократического совещания, принявшей решение об участии в предпарламенте. Партия как бы забыла в этот момент, что предпарламент есть попытка буржуазии перевести страну с пути Советов на путь буржуазного парламентаризма, что участие партии в таком учреждении может спутать все карты и сбить с пути рабочих и крестьян, ведущих революционную борьбу под лозунгом: «Вся власть Советам!». Эта ошибка была исправлена уходом большевиков из предпарламента.

В-четвертых. Маневрирование резервами, рассчитанное на правильное отступление, когда враг силен, когда отступление неизбежно, когда принять бой, навязываемый противником, заведомо невыгодно, когда отступление становится при данном соотношении сил единственным средством вывести авангард из-под удара и сохранить за ним резервы.

«Революционные партии, – говорит Ленин, – должны доучиваться. Они учились наступать. Теперь приходится понять, что эту науку необходимо дополнить наукой, как правильнее отступать. Приходится понять, – и революционный класс на собственном горьком опыте учится понимать, – что нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению» (см. т. XXV, стр. 177).

Цель такой стратегии – выиграть время, разложить противника и накопить силы для перехода потом в наступление.

Образцом такой стратегии можно считать заключение Брестского мира, давшего партии возможность выиграть время, использовать столкновения в лагере империализма, разложить силы противника, сохранить за собой крестьянство и накопить силы для того, чтобы подготовить наступление на Колчака и Деникина.

«Заключая сепаратный мир, – говорил тогда Ленин, – мы в наибольшей, *возможной для данного момента* степени освобождаемся от обеих враждующих империалистских групп, используя их вражду и войну, – затрудняющую им сделку против нас, – используем, получая известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции» (см. т. XXII, стр. 198).

«Теперь даже последний дурак» видит, – говорил Ленин спустя три года после Брестского мира, – «что «Брестский мир» был уступкой, усилившей нас и раздробившей силы международного империализма» (см. т. XXVII, стр. 7).

Таковы главные условия, обеспечивающие правильность стратегического руководства.

5) *Тактическое руководство*. Тактическое руководство есть часть стратегического руководства, подчиненная задачам и требованиям последнего. Задача тактического руководства состоит в том, чтобы овладеть всеми формами борьбы и организации пролетариата и обеспечить правильное их использование для того, чтобы добиться максимума результатов при данном соотношении сил, необходимого для подготовки стратегического успеха.

В чем состоит правильное использование форм борьбы и организации пролетариата?

В выполнении некоторых необходимых условий, из которых главными условиями нужно считать следующие:

Во-первых. Выдвижение на первый план тех именно форм борьбы и организации, которые, более всего соответствуя условиям данного прилива или отлива движения, способны облегчить и обеспечить подвод масс к революционным позициям, подвод миллионных масс к фронту революции, их размещение на фронте революции.

Дело идет не о том, чтобы авангард сознал невозможность сохранения старых порядков и неизбежность их ниспровержения. Дело идет о том, чтобы массы, миллионные массы поняли эту неизбежность и проявили готовность поддержать авангард. Но понять это могут массы лишь путем собственного опыта. Дать миллионным массам возможность распознать на своем собственном опыте неизбежность свержения старой власти, выдвинуть такие способы борьбы и такие формы организации, которые бы облегчили массам на опыте распознать правильность революционных лозунгов, – в этом задача.

Авангард оторвался бы от рабочего класса, а рабочий класс утерял бы связи

с массами, если бы партия не решила в свое время принять участие в Думе, если бы она не решила сосредоточить силы на думской работе и развернуть борьбу на основе этой работы с тем, чтобы облегчить массам на собственном опыте распознать никчемность Думы, лживость кадетских обещаний, невозможность соглашения с царизмом, неизбежность союза крестьянства с рабочим классом. Без опыта масс в период Думы разоблачение кадетов и гегемония пролетариата были бы невозможны.

Опасность тактики отзовизма состояла в том, что она грозила отрывом авангарда от его миллионных резервов.

Партия оторвалась бы от рабочего класса, а рабочий класс лишился бы влияния в широких массах крестьян и солдат, если бы пролетариат пошел по стопам «левых» коммунистов, звавших к восстанию в апреле 1917 года, когда меньшевики и эсеры не успели еще разоблачить себя, как сторонников войны и империализма, когда массы еще не успели распознать на своем собственном опыте лживость меньшевистско-эсеровских речей о мире, о земле, о воле. Без опыта масс в период керенщины меньшевики и эсеры не были бы изолированы, и диктатура пролетариата была бы невозможна. Поэтому тактика «терпеливого разъяснения» ошибок мелкобуржуазных партий и открытой борьбы внутри Советов была единственно правильной тактикой.

Опасность тактики «левых» коммунистов состояла в том, что она грозила превратить партию из вождя пролетарской революции в кучку пустых и беспочвенных заговорщиков.

«С одним авангардом, — говорит Ленин, — победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему... было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс. Таков — основной закон всех великих революций, подтвержденный теперь с поразительной силой и рельефностью не только Россией, но и Германией. Не только некультурным, часто безграмотным массам России, но и высоко культурным, поголовно грамотным массам Германии потребовалось испытать на собственной шкуре все бессилие, всю бесхарактерность, всю беспомощность, все лакейство перед буржуазией, всю подлость правительства рыцарей II Интернационала, всю неизбежность диктатуры крайних реакционеров (Корнилов в России, Капп и КО в Германии), как единственной альтернативы по отношению к диктатуре пролетариата, чтобы решительно повернуть к коммунизму» (см. т. XXV, стр. 228).

Во-вторых. Нахождение в каждый данный момент того особого звена в цепи процессов, ухватившись за которое можно будет удержать всю цепь и подготовить условия для достижения стратегического успеха.

Дело идет о том, чтобы выделить из ряда задач, стоящих перед партией, ту именно очередную задачу, разрешение которой является центральным пунктом и проведение которой обеспечивает успешное разрешение остальных очередных задач.

Значение этого положения можно было бы демонстрировать на двух примерах, из которых один можно было бы взять из далекого прошлого (период образования партии), а другой – из наиболее близкого нам настоящего (период нэпа).

В период образования партии, когда бесчисленное множество кружков и организаций не было еще связано между собой, когда кустарничество и кружковщина разъедали партию сверху донизу, когда идейный разброд составлял характерную черту внутренней жизни партии, – в этот период основным звеном и основной задачей в цепи звеньев и в цепи задач, стоявших тогда перед партией, оказалось создание общерусской нелегальной газеты («Искра»). Почему? Потому, что только через общерусскую нелегальную газету можно было при тогдашних условиях создать спевшееся ядро партии, способное связать воедино бесчисленные кружки и организации, подготовить условия идейного и тактического единства и заложить, таким образом, фундамент для образования действительной партии.

В период перехода от войны к хозяйственному строительству, когда промышленность прозябала в когтях разрухи, а сельское хозяйство страдало от недостатка городских изделий, когда смычка государственной индустрии с крестьянским хозяйством превратилась в основное условие успешного социалистического строительства, – в этот период основным звеном в цепи процессов, основной задачей в ряду других задач оказалось развитие торговли. Почему? Потому, что в условиях нэпа смычка индустрии с крестьянским хозяйством невозможна иначе, как через торговлю, потому, что производство без сбыта в условиях нэпа является смертью для индустрии, потому, что индустрию можно расширить лишь через расширение сбыта путем развития торговли, потому, что, только укрепившись в области торговли, только овладев торговлей, только овладев этим звеном, можно будет надеяться сомкнуть индустрию с крестьянским рынком и успешно разрешить другие очередные задачи для того, чтобы создать условия для постройки фундамента социалистической экономики.

«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще... – говорит Ленин. – Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену» ...

«В данный момент... таким звеном является оживление внутренней *торговли* при ее правильном государственном

регулировании (направлении). Торговля – вот то «звено» в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства 1921–1922 гг., «*за которое надо всеми силами ухватиться*» ...» (см. т. XXVII, стр. 82).

Таковы главные условия, обеспечивающие правильность тактического руководства.

б) *Реформизм и революционизм*. Чем отличается революционная тактика от тактики реформистской?

Иные думают, что ленинизм против реформ, против компромиссов и соглашений вообще. Это совершенно неверно. Большевики знают не меньше, чем всякий другой, что в известном смысле «всякое даяние благо», что при известных условиях реформы вообще, компромиссы и соглашения в частности – необходимы и полезны.

«Вести войну, – говорит Ленин, – за свержение международной буржуазии, войну во сто раз более трудную, длительную, сложную, чем самая упорная из обыкновенных войн между государствами, и наперед отказываться при этом от лавирования, от использования противоречия интересов (хотя бы временного) между врагами, от соглашательства и компромиссов с возможными (хотя бы временными, непрочными, шаткими, условными) союзниками, разве это не безгранично смешная вещь? Разве это не похоже на то, как если бы при трудном восхождении на неисследованную еще и неприступную донныне гору мы заранее отказались от того, чтобы идти иногда зигзагом, возвращаться иногда назад, отказываться от выбранного раз направления и пробовать различные направления?» (см. т. XXV, стр. 210).

Дело, очевидно, не в реформах или компромиссах и соглашениях, а в том употреблении, которое делают люди из реформ и соглашений.

Для реформиста реформа – все, революционная же работа – так себе, для разговора, для отвода глаз. Поэтому реформа при реформистской тактике в условиях существования буржуазной власти неизбежно превращается в орудие укрепления этой власти, в орудие разложения революции.

Для революционера же, наоборот, главное – революционная работа, а не реформа, – для него реформа есть побочный продукт революции. Поэтому реформа при революционной тактике в условиях существования буржуазной власти, естественно, превращается в орудие разложения этой власти, в орудие укрепления революции, в опорный пункт для дальнейшего развития революционного движения.

Революционер приемлет реформу для того, чтобы использовать ее, как зацепку для сочетания легальной работы с работой нелегальной, для того, чтобы

использовать ее, как прикрытие для усиления нелегальной работы на предмет революционной подготовки масс к свержению буржуазии.

В *этом* суть революционного использования реформ и соглашений в условиях империализма.

Реформист же, наоборот, приемлет реформы для того, чтобы отказаться от всякой нелегальной работы, подорвать дело подготовки масс к революции и почитать под сенью «дарованной» реформы.

В этом суть реформистской тактики.

Так обстоит дело с реформами и соглашениями в условиях империализма.

Дело, однако, меняется несколько после свержения империализма, при диктатуре пролетариата. При известных условиях, при известной обстановке пролетарская власть может оказаться вынужденной сойти временно с пути революционной перестройки существующих порядков на путь постепенного их преобразования, «на путь реформистский», как говорит Ленин в известной статье «О значении золота»,¹⁹ на путь обходных движений, на путь реформ и уступок непролетарским классам для того, чтобы разложить эти классы, дать революции передышку, собраться с силами и подготовить условия для нового наступления. Нельзя отрицать, что этот путь является в известном смысле «реформистским» путем. Следует только помнить, что мы имеем здесь одну коренную особенность, состоящую в том, что реформа исходит в данном случае от пролетарской власти, что она укрепляет пролетарскую власть, что она дает ей необходимую передышку, что она призвана разложить не революцию, а непролетарские классы.

Реформа при таких условиях превращается, таким образом, в свою противоположность.

Проведение такой политики со стороны пролетарской власти становится возможным потому, и только потому, что размах революции в предыдущий период был достаточно велик, и дал он, таким образом, достаточно широкий простор для того, чтобы можно было куда отступить, заменив тактику наступления тактикой временного отступления, тактикой обходных движений.

Таким образом, если раньше, при буржуазной власти, реформы являлись побочным продуктом революции, то теперь, при диктатуре пролетариата, источником реформ являются революционные завоевания пролетариата, накопившийся резерв в руках пролетариата, состоящий из этих завоеваний.

«Отношение реформ к революции, — говорит Ленин, — определено точно и правильно только марксизмом, причем Маркс мог видеть это отношение только с одной стороны, именно: в обстановке, предшествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь длительной победе пролетариата»

---

¹⁹ См. работу В.И. Ленина «О значении золота теперь и после полной победы социализма» (Сочинения, изд. 3-е, т. XXVII, стр. 79–85). — 167.

ата хотя бы в одной стране. В такой обстановке основой правильного отношения было: реформы есть побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата... После победы пролетариата хотя бы в одной стране является нечто новое в отношении реформ к революции. Принципиально дело остается тем же, но по форме является изменение, которого Маркс лично предвидеть не мог, но которое осознать можно только на почве философии и политики марксизма... После победы они (т. е. реформы. *И. Ст.*) (будучи в международном масштабе тем же самым «побочным продуктом») являются для страны, в которой победа одержана, кроме того, необходимой и законной передышкой в тех случаях, когда сил заведомо, после максимальнейшего их напряжения, не хватает для революционного выполнения такого-то или такого-то перехода. Победа дает такой «запас сил», что есть чем продержаться даже при вынужденном отступлении, – продержаться и в материальном, и в моральном смысле» (см. т. XX VII, стр. 84–85).

VIII. ПАРТИЯ

В период предреволюционный, в период более или менее мирного развития, когда партии II Интернационала представляли в рабочем движении господствующую силу, а парламентские формы борьбы считались основными формами, – в этих условиях партия не имела и не могла иметь того серьезного и решающего значения, которое она приобрела потом в условиях открытых революционных схваток. Защищая II Интернационал от нападков, Каутский говорит, что партии II Интернационала являются инструментом мира, а не войны, что именно поэтому они оказались не в силах предпринять что-либо серьезное во время войны, в период революционных выступлений пролетариата. Это совершенно верно. Но что это значит? Это значит, что партии II Интернационала непригодны для революционной борьбы пролетариата, что они являются не боевыми партиями пролетариата, ведущими рабочих к власти, а избирательным аппаратом, приспособленным к парламентским выборам и парламентской борьбе. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что в период господства оппортунистов II Интернационала основной политической организацией пролетариата являлась не партия, а парламентская фракция. Известно, что на деле партия в этот период была придатком и обслуживающим элементом парламентской фракции. Едва ли нужно доказывать, что в таких условиях и с такой партией во главе не могло быть и речи о подготовке пролетариата к революции.

Дело, однако, изменилось в корне с наступлением нового периода. Новый период есть период открытых столкновений классов, период революционных выступлений пролетариата, период пролетарской революции, период прямой подготовки сил к свержению империализма, к захвату власти пролетариатом. Этот период ставит перед пролетариатом новые задачи о перестройке всей партийной работы на новый, революционный лад, о воспитании рабочих в духе революционной борьбы за власть, о подготовке и подтягивании резервов, о союзе с пролетариями соседних стран, об установлении прочных связей с освободительным движением колоний и зависимых стран и т. д. и т. п. Думать, что эти новые задачи могут быть разрешены силами старых социал-демократических партий, воспитанных в мирных условиях парламентаризма, – значит обречь себя на безнадежное отчаяние, на неминуемое поражение. Оставаться с такими задачами на плечах при старых партиях во главе – значит оказаться в состоянии полного разоружения. Едва ли нужно доказывать, что пролетариат не мог примириться с таким положением.

Отсюда необходимость новой партии, партии боевой, партии революционной, достаточно смелой для того, чтобы повести пролетариев на борьбу за власть, достаточно опытной для того, чтобы разобраться в сложных условиях революционной обстановки, п достаточно гибкой для того, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели.

Без такой партии нечего и думать о свержении империализма, о завоевании диктатуры пролетариата.

Эта новая партия есть партия ленинизма.

В чем состоят особенности этой новой партии?

1) **Партия как передовой отряд рабочего класса.** Партия должна быть, прежде всего, **передовым** отрядом рабочего класса. Партия должна вобрать в себя все лучшие элементы рабочего класса, их опыт, их революционность, их беззаветную преданность делу пролетариата. Но, чтобы быть действительно передовым отрядом, партия должна быть вооружена революционной теорией, знанием законов движения, знанием закона революции. Без этого она не в силах руководить борьбой пролетариата, вести за собой пролетариат. Партия не может быть действительной партией, если она ограничивается регистрацией того, что переживает и думает масса рабочего класса, если она тащится в хвосте за стихийным движением, если она не умеет преодолеть косность и политическое безразличие стихийного движения, если она не умеет подняться выше минутных интересов пролетариата, если она не умеет поднимать массы до уровня понимания классовых интересов пролетариата. Партия должна стоять впереди рабочего класса, она должна видеть дальше рабочего класса она должна вести за собой пролетариат, а не тащиться в хвосте за стихийностью. Партии II Интернационала проповедующие «хвостизм», являются проводникам буржуазной политики, обрекающей пролетариат на роль орудия в руках буржуазии. Только партия, ставшая на точку зрения передового отряда пролетариат и способная поднимать массы до уровня понимания классовых интересов пролетариата, – только такая партия способна совлечь рабочий класс с пути тред-юнизма и превратить его в самостоятельную политическую силу.

Партия есть политический вождь рабочего класса.

Я говорил выше о трудностях борьбы рабочего класса, о сложности обстановки борьбы, о стратегии и тактике, о резервах и маневрировании, о наступлении и отступлении. Эти условия не менее сложны, если не более, чем условия войны. Кто может разобраться в этих условиях, кто может дать правильную ориентировку миллионным массам пролетариев? Ни одна армия на войне не может обойтись без опытного штаба, если она не хочет обречь себя на поражение. Разве не ясно, что пролетариат тем более не может обойтись без такого штаба, если он не хочет отдать себя на съедение своим заклятым врагам? Но где этот штаб? Этим штабом может быть только революционная партия пролетариата. Рабочий класс без революционной партии – это армия без штаба.

Партия есть боевой штаб пролетариата.

Но партия не может быть только **передовым** отрядом. Она должна быть вместе с тем отрядом **класса**, частью класса, тесно связанной с ним всеми корнями своего существования. Различие между передовым отрядом и остальной

массой рабочего класса, между партийными и беспартийными не может исчезнуть, пока не исчезнут классы, пока пролетариат будет пополняться выходцами из других классов, пока рабочий класс в целом будет лишен возможности подняться до уровня передового отряда. Но партия перестала бы быть партией, если бы это различие превратилось в разрыв, если бы она замкнулась в себе и оторвалась от беспартийных масс. Партия не может руководить классом, если она не связана с беспартийными массами, если нет смычки между партией и беспартийными массами, если эти массы не приемлют ее руководства, если партия не пользуется в массах моральным и политическим кредитом.

Недавно были приняты в нашу партию двести тысяч новых членов из рабочих. Замечательно тут то обстоятельство, что эти люди не столько сами пришли в партию, сколько были посланы туда всей остальной беспартийной массой, которая принимала активное участие в приеме новых членов и без одобрения которой не принимались новые члены. Этот факт говорит о том, что широкие массы беспартийных рабочих считают нашу партию *своей* партией, партией *близкой* и *родной*, в расширении и укреплении которой они кровно заинтересованы и руководству которой они добровольно вверяют свою судьбу. Едва ли нужно доказывать, что без этих неуловимых моральных нитей, связывающих партию с беспартийными массами, партия не могла бы стать решающей силой своего класса.

Партия есть неразрывная часть рабочего класса.

«Мы, – говорит Ленин, – партия класса, и потому *почти весь класс* (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии, как можно плотнее, но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии. Ни один еще разумный социал-демократ не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности неразвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность наших задач, суживать эти задачи – значило бы забывать о различии между передовым отрядом и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда *поднимать* все более и более обширные слои до этого передового уровня» (см. т. VI, стр. 205–206).

2) *Партия как организованный отряд рабочего класса.* Партия не есть только *передовой* отряд рабочего класса. Если она хочет действительно руководить борьбой класса, она должна быть вместе с тем *организованным*

отрядом своего класса. Задачи партии в условиях капитализма чрезвычайно велики и разнообразны. Партия должна руководить борьбой пролетариата при чрезвычайно трудных условиях внутреннего и внешнего развития, она должна вести пролетариат в наступление, когда обстановка требует наступления, она должна вывести пролетариат из-под удара сильного противника, когда обстановка требует отступления, она должна вносить в миллионные массы неорганизованных беспартийных рабочих дух дисциплины и планомерности в борьбе, дух организованности и выдержки. Но партия может выполнить эти задачи лишь в том случае, если она сама является олицетворением дисциплины и организованности, если она сама является **организованным** отрядом пролетариата. Без этих условий не может быть и речи о действительном руководстве со стороны партии миллионными массами пролетариата.

Партия есть организованный отряд рабочего класса.

Мысль о партии, как об организованном целом, закреплена в известной формулировке Ленина первого пункта устава нашей партии, где партия рассматривается как *сумма* организаций, а члены партии – как члены одной из организаций партии. Меньшевики, возражавшие против этой формулировки еще в 1903 году, предлагали взамен ее «систему» самозачисления в партию, «систему распространения «звания» члена партии на каждого «профессора» и «гимназиста», каждого «сочувствующего» и «стачечника», поддерживающего партию так или иначе, но не входящего и не желающего входить ни в одну из партийных организаций. Едва ли нужно доказывать, что эта оригинальная «система», если бы она укрепилась в нашей партии, неминуемо привела бы к переполнению партии профессорами и гимназистами и к вырождению ее в расплывчатое, неоформленное, дезорганизованное «образование», теряющееся в море «сочувствующих», стирающее грань между партией и классом и опрокидывающее задачу партии о поднятии неорганизованных масс до уровня передового отряда. Нечего и говорить, что при такой оппортунистической «системе» наша партия не смогла бы выполнить роли организующего ядра рабочего класса в ходе нашей революции.

«С точки зрения тов. Мартова, – говорит Ленин, – граница партии остается совершенно неопределенной, ибо «каждый стачечник» может «объявлять себя членом партии». Какая польза от этой расплывчатости? Широкое распространение «названия». Вред ее – внесение **дезорганизующей** идеи о смешении класса и партии» (см. т. VI, стр. 211).

Но партия не есть только *сумма* партийных организаций. Партия есть, вместе с тем, единая *система* этих организаций, их формальное объединение в единое целое, с высшими и низшими органами руководства, с подчинением меньшинства большинству, с практическими решениями, обязательными для всех членов партии. Без этих условий партия не в состоянии быть единым организованным целым, способным осуществить планомерное и организованное руководство борьбой рабочего класса.

«*Прежде*, – говорит Ленин, – наша партия не была организованным формально целым, а лишь суммой частных групп, и потому иных отношений между этими группами, кроме идейного воздействия, и быть не могло. *Теперь* мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших» (см. т. VI, стр. 291).

Принцип подчинения меньшинства большинству, принцип руководства партийной работой из центра нередко вызывает нападки со стороны неустойчивых элементов, обвинения в «бюрократизме», «формализме» и т. д. Едва ли нужно доказывать, что планомерная работа партии, как целого, и руководство борьбой рабочего класса были бы невозможны без проведения этих принципов. Ленинизм в организационном вопросе есть неуклонное проведение этих принципов. Борьбу с этими принципами Ленин называет «русским нигилизмом» и «барским анархизмом», заслуживающим того, чтобы быть высмеянным и отброшенным прочь.

Вот что говорит Ленин об этих неустойчивых элементах в своей книге «Шаг вперед»:

«Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением» ... разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в «колесики и винтики» ... упоминание об организационном уставе партии вызывает презрительную гримасу и пренебрежительное... замечание, что можно бы и вовсе без устава».

«Кажется, ясно, что крики о пресловутом бюрократизме есть простое прикрытие недовольства личным составом центров, есть фиговый листок... Ты бюрократ, потому что ты назначен съездом не согласно моей воле, а вопреки ей, ты формалист, потому что ты опираешься на формальные решения съезда, а не на мое согласие, ты действуешь грубо-механически, ибо ссылаешься на «механическое» большинство партийного съезда и не считаешься с моим желанием быть кооптированным – ты – самодержец, потому что не хочешь отдать власть в руки старой, теплой компании» ²⁰ (см. т. VI, стр. 310 и 287).

---

²⁰ Речь идет о «компании» Аксельрода, Мартова, Потресова и др., не подчинявшихся решениям II съезда и обвинявших Ленина в «бюрократизме». *И. Ст.*

3) *Партия как высшая форма классовой организации пролетариата.* Партия есть организованный отряд рабочего класса. Но партия не является единственной организацией рабочего класса. У пролетариата имеется еще целый ряд других организаций, без которых он не может вести успешную борьбу с капиталом: профессиональные союзы, кооперативы, фабрично-заводские организации, парламентские фракции, беспартийные объединения женщин, печать, культурно-просветительные организации, союзы молодежи, революционно-боевые организации «(во время открытых революционных выступлений), Советы депутатов, как государственная форма организации (если пролетариат находится у власти) и т. д. Громадное большинство этих организаций являются беспартийными, и только некоторая часть из них примыкает прямо к партии или составляет ее разветвление. Все эти организации при известных условиях абсолютно необходимы рабочему классу, ибо без них невозможно укрепить классовые позиции пролетариата в разнообразных сферах борьбы, ибо без них невозможно закалить пролетариат как силу, призванную заменить буржуазные порядки порядками социалистическими. Но как осуществить единое руководство при таком обилии организаций? Где гарантия, что наличие множества организаций не поведет к разнобою в руководстве? Могут сказать, что каждая из этих организаций ведет работу в своей обособленной сфере и что они не могут поэтому мешать друг другу. Это, конечно, верно. Но верно и то, что все эти организации должны вести работу в одном направлении, ибо они обслуживают один класс, класс пролетариев. Спрашивается: кто определяет ту линию, то общее направление, по которому должны вести свою работу все эти организации? Где та центральная организация, которая не только способна, ввиду наличия необходимого опыта, выработать эту общую линию, но имеет еще возможность, ввиду наличия достаточного для этого авторитета, побудить все эти организации провести в жизнь эту линию для того, чтобы добиться единства, в руководстве и исключить возможность перебоев?

Такой организацией является партия пролетариата.

Партия имеет для этого все данные, потому, во-первых, что партия есть сборный пункт лучших элементов рабочего класса, имеющих прямые связи с беспартийными организациями пролетариата и очень часто руководящих ими; потому, во-вторых, что партия, как сборный пункт лучших людей рабочего класса, является лучшей школой выработки лидеров рабочего класса, способных руководить всеми формами организации своего класса; потому, в-третьих, что партия, как лучшая школа лидеров рабочего класса, является по своему опыту и авторитету единственной организацией, способной централизовать руководство борьбой пролетариата и превратить, таким образом, все и всякие беспартийные организации рабочего класса в обслуживающие органы и приводные ремни, соединяющие ее с классом.

Партия есть высшая форма классовой организации пролетариата.

Это не значит, конечно, что беспартийные организации, профсоюзы, кооперативы и т. д., должны быть формально подчинены партийному руководству. Дело идет лишь о том, чтобы члены партии, входящие в состав этих организаций,

как люди, несомненно, влиятельные, принимали все меры убеждения к тому, чтобы беспартийные организации сближались в своей работе с партией пролетариата и добровольно принимали ее политическое руководство.

Вот почему говорит Ленин, что партия есть *«высшая»* форма классового объединения пролетариев», политическое руководство которой должно быть распространено на все другие формы организации пролетариата (см. т. XXV, стр. 194).

Вот почему оппортунистическая теория «независимости» и «нейтральности» беспартийных организаций, плодящая *независимых* парламентариев и *оторванных* от партии деятелей печати, *узколобых* профессионалистов и *омещанившихся* кооператоров, – является совершенно несовместимой с теорией и практикой ленинизма.

4) *Партия как орудие диктатуры пролетариата*. Партия есть высшая форма организации пролетариата. Партия является основным руководящим началом внутри класса пролетариев и среди организаций этого класса. Но из этого вовсе не следует, что партию можно рассматривать как самоцель, как самодовлеющую силу. Партия есть не только высшая форма классового – объединения пролетариев, – она есть вместе с тем *орудие* в руках пролетариата *для* завоевания диктатуры, когда она еще не завоевана, *для* укрепления и расширения диктатуры, когда она уже завоевана. Партия не могла бы подняться так высоко в своем значении, и она не могла бы покрыть собой все остальные формы организации пролетариата, если бы пролетариат не стоял перед вопросом о власти, если бы условия империализма, неизбежность войн, наличие кризиса не требовали концентрации всех сил пролетариата в одном пункте, сосредоточения всех нитей революционного движения в одном месте для того, чтобы свергнуть буржуазию и завоевать диктатуру пролетариата. Партия нужна пролетариату прежде всего как свой боевой штаб, необходимый для успешного захвата власти. Едва ли нужно доказывать, что без партии, способной собрать вокруг себя массовые организации пролетариата и централизовать в ходе борьбы руководство всем движением, пролетариат в России не смог бы осуществить свою революционную диктатуру.

Но партия нужна пролетариату не только для завоевания диктатуры, она еще больше нужна ему для того, чтобы удержать диктатуру, укрепить и расширить ее в интересах полной победы социализма.

«Наверное, теперь уже почти всякий видит, – говорит Ленин, – что большевики не продержались бы у власти не то что 2½ года, но и 2½ месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса, т. е. всем, что есть в нем мыслящего, честного, самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать отсталые слои» (см. т. XXV, стр. 173).

Но что значит «удержать» и «расширить» диктатуру? Это значит – внести в

миллионные массы пролетариев дух дисциплины и организованности; это значит – создать в пролетарских массах скрепу и оплот против разъедающих влияний мелкобуржуазной стихии и мелкобуржуазных привычек; это значит – подкрепить организаторскую работу пролетариев по перевоспитанию и переделке мелкобуржуазных слоев; это значит – помочь пролетарским массам воспитать себя, как силу, способную уничтожить классы и подготовить условия для организации социалистического производства. Но проделать все это невозможно без партии, сильной своей сплоченностью и дисциплиной.

«Диктатура пролетариата, – говорит Ленин, – есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов – самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно» (см. т. XXV, стр. 190).

Партия нужна пролетариату *для* того, чтобы завоевать и удержать диктатуру. Партия есть орудие диктатуры пролетариата.

Но из этого следует, что с исчезновением классов, с отмиранием диктатуры пролетариата должна отмереть и партия.

5) Партия как единство воли, несовместимое с существованием фракций. Завоевание и удержание диктатуры пролетариата невозможно без партии, сильной своей сплоченностью и железной дисциплиной. Но железная дисциплина в партии немислима без единства воли, без полного и безусловного единства действия всех членов партии. Это не значит, конечно, что тем самым исключается возможность борьбы мнений внутри партии. Наоборот, железная дисциплина не исключает, а предполагает критику и борьбу мнений внутри партии. Это, тем более, не значит, что дисциплина должна быть «слепой». Наоборот, железная дисциплина не исключает, а предполагает сознательность и добровольность подчинения, ибо только сознательная дисциплина может быть действительно железной дисциплиной. Но после того, как борьба мнений кончена, критика исчерпана и решение принято, единство воли и единство действия всех членов партии является тем необходимым условием, без которого немислимы ни единая партия, ни железная дисциплина в партии.

«В нынешнюю эпоху обостренной гражданской войны, – говорит Ленин, – коммунистическая партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если она будет организована наиболее централистическим образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной, и если ее партийный центр будет являться

властным авторитетным органом с широкими полномочиями, пользующимся всеобщим доверием членов партии» (см. т. XXV, стр. 282–284).

Так обстоит дело с дисциплиной в партии в условиях борьбы перед завоеванием диктатуры.

То же самое надо сказать о дисциплине в партии, но еще в большей степени, после завоевания диктатуры.

«Кто хоть сколько-нибудь ослабляет, – говорит Ленин, – железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» (см. т. XXV, стр. 190).

Но из этого следует, что существование фракций несовместимо ни с единством партии, ни с ее железной дисциплиной. Едва ли нужно доказывать, что наличие фракций ведет к существованию нескольких центров, существование же нескольких центров означает отсутствие общего центра в партии, разбивку единой воли, ослабление и разложение дисциплины, ослабление и разложение диктатуры. Конечно, партии II Интернационала, борющиеся против диктатуры пролетариата и не желающие вести пролетариев к власти, могут позволить себе такой либерализм, как свободу фракций, ибо они вовсе не нуждаются в железной дисциплине. Но партии Коммунистического Интернационала, строящие свою работу на основе задач завоевания и укрепления диктатуры пролетариата, не могут пойти ни на «либерализм», ни на свободу фракций.

Партия есть единство воли, исключаящее всякую фракционность и разбивку власти в партии.

Отсюда разъяснение Ленина об «опасности фракционности с точки зрения единства партии и осуществления единства воли авангарда пролетариата, как основного условия успеха диктатуры пролетариата», закрепленное в специальной резолюции X съезда нашей партии «О единстве партии». ²¹

Отсюда требование Ленина о «полном уничтожении всякой фракционности» и «немедленном роспуске всех без изъятия образовавшихся на той или иной платформе групп» под страхом «безусловного и немедленного исключения из партии» (см. резолюцию «О единстве партии»).

б) Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов. Источником фракционности в партии являются ее оппортунистические элементы. Пролетариат не есть замкнутый класс. К нему непрерывно притекают выходцы из крестьян, мещан, интеллигенции, пролета-

---

²¹ Резолюция «О единстве партии» была написана В.И. Лениным и принята X съездом РКП(б), состоявшимся 8–16 марта 1921 года (см. *В.И. Ленин. Сочинения*, изд. 3-е, т. XXVI, стр. 259–261, а также «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1941, стр. 364–366). – 183.

ризированные развитием капитализма. Одновременно происходит процесс разложения верхушек пролетариата, главным образом из профессионалистов и парламентариев, подкармливаемых буржуазией за счет колониальной сверхприбыли. «Этот слой обуржуазившихся рабочих, – говорил Ленин, – или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная *социальная* (не военная) *опора буржуазии*. Ибо это настоящие *агенты буржуазии в рабочем* движении, рабочие приказчики класса капиталистов... настоящие проводники реформизма и шовинизма» (см. т. XIX, стр. 77).

Все эти мелкобуржуазные группы проникают так или иначе в партию, внося туда дух колебания и оппортунизма, дух разложения и неуверенности. Они, главным образом, и являются источником фракционности и распада, источником дезорганизации и взрыва партии изнутри. Воевать с империализмом, имея в тылу таких «союзников», – это значит попасть в положение людей, обстреливаемых с двух сторон – и с фронта, и с тыла. Поэтому беспощадная борьба с такими элементами, изгнание их из партии является предварительным условием успешной борьбы с империализмом.

Теория «преодоления» оппортунистических элементов путем идейной борьбы внутри партии, теория «изживания» этих элементов в рамках одной партии есть гнилая и опасная теория, грозящая обречь партию на паралич и хроническое недомогание, грозящая отдать партию на съедение оппортунизму, грозящая оставить пролетариат без революционной партии, грозящая лишить пролетариат главного оружия в борьбе с империализмом. Наша партия не смогла бы выйти на широкую дорогу, она не смогла бы взять власть и организовать диктатуру пролетариата, она не смогла бы выйти из гражданской войны победителем, если бы она имела в своих рядах Мартовых и Данов, Потресовых и Аксельродов. Если нашей партии удалось создать в себе внутреннее единство и небывалую сплоченность своих рядов, то это, прежде всего, потому, что она сумела вовремя очиститься от скверны оппортунизма, она сумела изгнать вон из партии ликвидаторов и меньшевиков. Путь развития и укрепления пролетарских партий проходит через их очищение от оппортунистов и реформистов, социал-империалистов и социал-шовинистов, социал-патриотов и социал-пацифистов.

Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов.

«Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, – говорит Ленин, – *нельзя* победить в пролетарской революции, *нельзя* отстоять ее. Это очевидно принципиально. Это подтверждено наглядно опытом и России и Венгрии... В России *много раз* бывали трудные положения, когда *навверняка* был бы свергнут советский режим, если бы меньшевики, реформисты, мелкобуржуазные демократы оставались внутри нашей партии... в Италии, где, по общему признанию, дело идет к решающим битвам пролетариата с буржуазией из-за овладения государственной властью. В такой момент не

только является безусловно необходимым удаление меньшевиков, реформистов, туратианцев из партии, но может оказаться даже полезным удаление превосходных коммунистов, способных колебаться и проявляющих колебания в сторону «единства» с реформистами, удаление со всяких ответственных постов... Накануне революции и в моменты самой ожесточенной борьбы за ее победу малейшие колебания внутри партии способны *погубить все*, сорвать революцию, вырвать власть из рук пролетариата, ибо эта власть еще не прочна, ибо натиск на нее слишком еще силен. Если колеблющиеся вожди отходят прочь в такое время, это не ослабляет, а усиливает и партию, и рабочее движение, и революцию» (см. т. XXV, стр. 462, 463, 464).

IX. СТИЛЬ В РАБОТЕ

Речь идет не о литературном стиле. Я имею в виду стиль в работе, то особенное и своеобразное в практике ленинизма, которое создает особый тип ленинца-работника. Ленинизм есть теоретическая и практическая школа, вырабатывающая особый тип партийного и государственного работника, создающая особый, ленинский стиль в работе.

В чем состоят характерные черты этого стиля? Каковы его особенности?

Этих особенностей две:

- а) русский революционный размах и
- б) американская деловитость.

Стиль ленинизма состоит в соединении этих двух особенностей в партийной и государственной работе.

Русский революционный размах является противоядием против косности, рутины, консерватизма, застоя мысли, рабского отношения к дедовским традициям. Русский революционный размах – это та живительная сила, которая будит мысль, двигает вперед, ломает прошлое, дает перспективу. Без него невозможно никакое движение вперед.

Но русский революционный размах имеет все шансы вырождаться на практике в пустую «революционную» маниловщину, если не соединить его с американской деловитостью в работе. Примеров такого вырождения – хоть отбавляй. Кому не известна болезнь «революционного» сочинительства и «революционного» планотворчества, имеющая своим источником веру в силу декрета, могущего все устроить и все переделать? Один из русских писателей, И. Эренбург, изобразил в рассказе «Ускомчел» (Усовершенствованный коммунистический человек) тип одержимого этой болезнью «большевика», который задался целью набросать схему идеально усовершенствованного человека и... «утоп» в этой «работе». В рассказе имеется большое преувеличение, но что он верно схватывает болезнь – это несомненно. Но никто, кажется, не издевался над такими больными так зло и беспощадно, как Ленин. «Коммунистическое чванство» – так третирует он эту болезненную веру в сочинительство и декретотворчество.

«Коммунистическое чванство – значит то, – говорит Ленин, – что человек, состоя в коммунистической партии и не будучи еще оттуда вычищен, воображает, что все задачи свои он может решить коммунистическим декретированием» (см.

т. XXVII, стр. 50–51).

«Революционному» пустозвонству Ленин обычно противопоставлял простые и будничные дела, подчеркивая этим, что «революционное» сочинительство противно и духу, и букве подлинного ленинизма.

«Поменьше пышных фраз, – говорит Ленин, – побольше простого, *будничного*, дела...».

«Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым... фактам коммунистического строительства...» (см. т. XXIV, стр. 343 и 335).

Американская деловитость является, наоборот, противоядием против «революционной» маниловщины и фантастического сочинительства. Американская деловитость – это та неукротимая сила, которая не знает и не признает преград, которая размывает своей деловой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело, если это даже небольшое дело, и без которой немыслима серьезная строительная работа.

Но американская деловитость имеет все шансы выродиться в узкое и беспринципное делячество, если ее не соединить с русским революционным размахом. Кому не известна болезнь узкого практицизма и беспринципного делячества, приводящего нередко некоторых «большевиков» к перерождению и к отходу их от дела революции? Эта своеобразная болезнь получила свое отражение в рассказе Б. Пильняка «Голый год», где изображены типы русских «большевиков», полных воли и практической решимости, «фукцирующих» весьма «энергично», но лишенных перспективы, не знающих «что к чему» и сбивающихся, ввиду этого, с пути революционной работы. Никто так едко не издевался над этой деляческой болезнью, как Ленин. «Узколобый практицизм», «безголовое делячество» – так третирует эту болезнь Ленин. Он противопоставлял ей обычно живое революционное дело и необходимость революционных перспектив во всех делах нашей повседневной работы, подчеркивая тем самым, что беспринципное делячество столь же противно подлинному ленинизму, сколь противно «революционное» сочинительство.

Соединение русского революционного размаха с американской деловитостью – в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе.

Только такое соединение дает нам законченный тип работника-ленинца, стиль ленинизма в работе.

«Правда» №№ 96, 97, 103, 105, 107, 108, 111; 26 и 30 апреля, 9, 11, 14, 15 и 18 мая 1924 г.

